

ВОПРОС ВЗАИМНОСТИ

Роберт Дункан Милн

Ранняя Научная Фантастика

Золотой фонд фантастики

Роберт Милн

Вопрос взаимности

«Автор»

2023

Милн Р. Д.

Вопрос взаимности / Р. Д. Милн — «Автор», 2023 — (Золотой фонд фантастики)

В книге собраны лучшие работы Роберта Дункана Милна, который стал отцом-основателем американской научной фантастики, опубликовав более 60 рассказов в конце 19 века. Сейчас Университет Данди объявил о попытке возродить интерес к «Шотландскому ответу Герберту Уэллсу», чьи работы регулярно появлялись в литературном журнале Сан-Франциско «Аргонавт», и к тому, как он предвидел изменения климата, боевые действия беспилотников и спутниковую связь. Доктор Уильямс сказал: «Милн написал поразительное количество научно-фантастических рассказов и создал список воображаемых технологий, некоторые из которых были близки к тому, что было возможно создать в то время, но другие забежали далеко вперед, поразительно прозорливы и гораздо более точны и верны, он был неординарнее в своих предсказаниях, чем многие его современники. Он действительно позабытый отец американской научной фантастики».

© Милн Р. Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

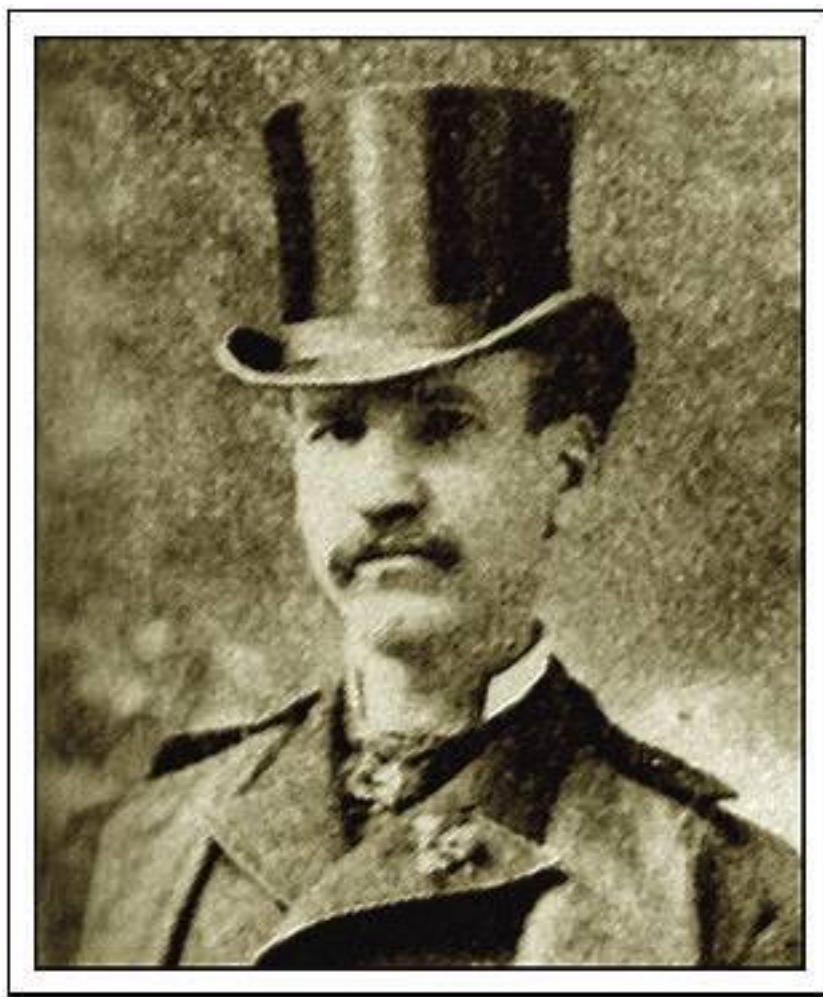
ОБ АВТОРЕ	5
СОВРЕМЕННОЕ ОДЕЯНИЕ НЕССУСА	7
ВЕЛИКАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ДИАФРАГМА	19
НОВАЯ АЛХИМИЯ	27
ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ ФИЛИППА ХОЛЛА	41
ПОЛЕТ НА ПОЛЮС	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Роберт Милн

Вопрос взаимности

ОБ АВТОРЕ

Роберт Дункан Милн (1844-1899)

Роберт Дункан Милн (1844-1899) Журналист и писатель шотландского происхождения, живший в США примерно с 1864 года и опубликовавший не менее 60 рассказов в жанре научной фантастики, отличающихся значительной концептуальной изобретательностью и предвосхитивших многие темы современного жанра. Начиная с "Современного одеяния Нессуса" в 1879 году, он опубликовал большинство этих рассказов в журнале The Argonaut в Сан-Франциско, один из редакторов которого, Амброуз Бирс, находился под сильным влиянием его работ. Забытый на многие десятилетия после своей смерти, Милн был заново открыт Сэмом Московичем, который в книге "Научная фантастика в старом Сан-Франциско, том 1: История с 1854 по 1890 год" убедительно обосновал необходимость рассматривать его как важную фигуру для научной фантастики. Типичными для энергичного творческого ума Милна являются "На Солнце" (18 ноября 1882 г. The Argonaut) и его продолжение, "Вырванный из огня" (16 декабря 1882 г. The Argonaut), которые вместе описывают всемирную катастрофу,

вызванную кометой, подробно описывают побег главного героя на воздушном шаре от последствий удара, следуют за ним сначала в Тибет, а затем обратно в разрушенный мир, полный апокалиптических сцен, и заканчиваются созданием нового и лучшего общества, основанного на политической мысли Жан-Жака Руссо (1712-1778). В "Электрическом эксперименте профессора Вера" (24 января 1885 г. "Аргонавт") гениально описано устройство, позволяющее передавать материю. В рассказе "Вопрос обратимости" (15-22 ноября 1891 г. San Francisco Examiner) возмущенное новое правительство Чили атакует Америку с помощью беспилотного бомбардировщика, в ответ американские военные уничтожают чилийский корабль самонаводящейся торпедой. Во всех его работах – большая часть которых осталась неопубликованной – видна работа ума, для которого наука и технология давали гораздо больше возможностей для воображения, когда их правила соблюдались или, по крайней мере, были понятны. Милн был одним из первых экстраполяционных мыслителей, работавших в этой области.

СОВРЕМЕННОЕ ОДЕЯНИЕ НЕССУСА

В греческой мифологии Несс был кентавром, убитым Гераклом. Умирая, Несс сказал Деянире, жене Геракла, что если у нее когда-нибудь возникнут сомнения в любви своего мужа, она должна завернуть его в рубашку, пропитанную кровью Несса, поскольку это обеспечит его постоянство. Деянира последовала этому указанию, но кровь кентавра оказалась мощным ядом, который убил Геракла, разъедая его тело. В литературе термин "Одеяние (или Рубашка) Нессуса" обозначает то, что вызывает неумолимое разрушение, разорение или несчастье.

– Я мог бы рассказать вам, – сказал баскский пастух, раскуривая трубку после ужина и придвигая свой табурет поближе к огню, одновременно наполняя кувшин красным вином из бочонка в углу и протягивая мне чашку, – я мог бы рассказать вам историю великих из высшего общества, историю, единственным хранителем которой я теперь являюсь; и не будет вреда рассказать ее, потому что все те, к кому она относится, включая мою собственную Лизетт, мертвы. Горе мне! – продолжал он, задумчиво проводя рукой по лбу. – проклятие той ночной работы пало и на нее.

Я весь день путешествовал по предгорьям Сьерра-Невады в округе Марипоса, а ночью обнаружил, что пользуюсь гостеприимством пастушьей хижины. Мой хозяин, несмотря на свою грубую одежду, имел вид человека опытного и размышляющего, и его поведение свидетельствовало о том, что, хотя он и не впитал манеры с молоком матери, он все же приобрел кое-что от того, что характеризует светское взаимоотношение джентльменов путем общения или открытости сердца. Он сделал большой глоток вина, задумчиво посмотрел на огонь минуту или две и начал:

– Вы были в Париже? Двенадцать лет назад? Ах! Тогда вы не могли лично знать о событиях, о которых я собираюсь вам рассказать, поскольку они произошли двумя годами ранее, в 64 году. Тем не менее, вы, возможно, помните, как читали в газетах того времени о поджоге особняка маркиза де Б. во время бала-маскарада и о побеге в ту же ночь мадам маркизы с неким аббатом, в то время хорошо известным в Париже. А! Вы помните, что что-то слышал об этом? Что ж, все, что вы, возможно, слышали или читали, было неправдой. Я единственный из живых людей – ибо даже Доктор, который сейчас находится на галерах, может только подозревать, что произошло, – могу рассказать вам истинную историю этого дела, поскольку я был главным действующим лицом в нем. Если я расскажу об этом, это облегчит бремя моего разума, то есть, если вы захотите это услышать? – вежливо спросил пастух. Будучи уверенным, что ничто не может быть более уместным и желанным, чем рассказ в это время, после того, как он подбросил еще одно полено в огонь, баскский пастух начал:

Я не всегда был таким, каким вы видите меня сейчас, но неудача преследовала меня с тех пор, как я покинул Францию. Это правда, что я один из людей, но когда-то мое состояние было намного лучше, чем сейчас.

В то время, о котором я говорю, я занимал должность камердинера маркиза де Б., а Лизетт была тем, кого вы называете камеристкой мадам маркизы. Я был тогда моложе, чем сейчас, – не более тридцати лет, а Лизетт было двадцать пять. Мы откладывали наши заработки в течение нескольких лет и намеревались осенью оставить службу, жениться и вернуться в Беарн, где мы решили открыть отель, но этому не суждено было сбыться.

Месье маркиз был высоким, гордым и богатым; мадам Маркиза была высокой, гордой и красивой, но, на мой вкус, далеко не такой хорошенькой, как Лизетт. Месье было пятьдесят лет, а мадам (Лизетт сказала мне, что узнала это с обратной стороны миниатюры) было тридцать пять. Месье любил веселье, и мадам тоже; и посторонним, несомненно, должно было показаться, что они были очень счастливой, хорошо подходящей друг другу парой. Но у нас,

домашних, конечно, была возможность наблюдать за каждой мелочью, и мы с Лизетт часто сравнивали замеченное нами и делали выводы из того, что видели и слышали.

Примерно за три месяца до того времени, о котором я пишу, мадам маркиза поссорилась со своим отцом-исповедником и нашла нового вместо него. Аббат Р. был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видел. Он был такого же роста, как маркиз, но намного моложе; его спина была прямой, осанка величественной, взгляд пронизательным, нос орлиным, а добродушная улыбка всегда играла в уголках его губ. Он был очень добр и мил со мной и Лизетт, всегда разговаривал с нами, когда заходил, и обычно дарил монету в пять франков кому-нибудь из нас, а в одном или двух случаях даже наполеон¹. Он очень часто навещал мадам маркизу, которая принимала его в своем будуаре, который выходил одной дверью в большую гостиную, а другой – в зимний сад. Лизетт говорила, что, по ее мнению, мадам, должно быть, совершала в последнее время больше грехов, чем обычно, поскольку для исповеди в них стало требоваться гораздо больше времени, но это она говорила только мне, потому что мы были очень сдержанны, чтобы распространяться о наших мыслях. Аббат обычно приходил до полудня, когда месье спускался в свой клуб или развлекался в бильярдной, поскольку месье очень мало беспокоился о религиозных упражнениях мадам.

Примерно через два месяца после того, как аббат начал наносить свои визиты, Лизетт однажды утром вбежала в мою комнату, очень взволнованная и взбудораженная, и сказала, что в большом салоне произошла грандиозная ссора между месье и мадам, что месье ходил взад и вперед, скрестив руки на груди, и топал ногами, и выглядел чернее ночи, в то время как мадам полулежала на диване в слезах, закрыв лицо руками. Лизетт видела их через замочную скважину и, очевидно, произошло что-то очень необычное и экстраординарное, хотя мы так и не узнали, что это было. Мы, однако, каким-то образом связали это с аббатом, поскольку заметили, что с того дня он больше не приходил.

В течение недели после этого мадам была очень печальной и грустной, в то время как месье оставался мрачным и суровым. Затем мадам внезапно просветлела и начала подходить и уговаривать месье так усердно и таким милым, обаятельным образом, что месье рассеял свое мрачное настроение, и вскоре весь дом узнал, что полным ходом идут приготовления к грандиозному балу-маскараду, который должен был затмить все, что происходило и такого не видели в Париже со времен золотых дней Луи XIV, ибо господин маркиз был очень богат и совсем не боялся тратить свои деньги.

Это было в марте, и бал должен был состояться как раз перед началом Великого поста, чтобы, как сказала Лизетт, у знатных людей остались приятные воспоминания, которые помогли бы им пережить те скучные недели, когда они были лишены самих настоящих удовольствий. Наш дом был одним из лучших в предместье Сен-Жермен и стоял особняком на своей территории. Великолепные салоны были первоклассными, они состояли из пяти апартаментов, занимающих все крыло, будуар мадам находился в конце двух салонов, которые тянулись вдоль бокового крыла и выходили в оранжереи. Все было перевернуто вверх дном. В трех залах для танцев натерли воском полы из полированного дуба, в то время как два соседних с зимними садами, обставленных роскошнейшими коврами и украшенных множеством настенных росписей, были отведены для бесед и отдыха. Я помню все подробности так хорошо, как если бы это было вчера. Цветники и рощи деревьев были перенесены из садов. Водопроводные трубы были хитро проложены вдоль стен и в углах, чтобы распределять ароматизированные брызги и способствовать охлаждению воздуха. Это был день бала, и мне довелось исполнять несколько маленьких обязанностей в музыкальном салоне, рядом с будуаром мадам, когда, к счастью или к несчастью, я стал свидетелем разговора, который происходил там и который

¹ Наполеон – разговорный термин, обозначающий французскую золотую монету.

сразу поразил меня своей необычностью. Диалог вели мадам с одной стороны и посетитель мужского пола с другой. Заговорила мадам:

– Значит, месье уверен, что нет риска разоблачения?

– Абсолютно никакого, мадам, – ответил посетитель. – Чтобы доказать вам, с какой осторожностью и осмотрительностью я выполнил ваше поручение, я скажу вам, что я собственными руками приготовил волокна, что затем я отправил шелк на ткацкий станок в Лионе, откуда изделие было отправлено костюмеру в этом городе и сшито его работниками. Я тщательно скрыл все следы этих действий, так что в случае любого непредвиденного происшествия шансы собрать звенья улики в связную цепочку сведены к математическому минимуму.

– Не будет ли мсье доктор любезен еще раз объяснить природу и действие этого платья, чтобы я могла быть уверена, что не совершу ничего непреднамеренного? – продолжила мадам.

– С удовольствием, – ответил посетитель. – Вещества, которыми пропитаны волокна шелка, хорошо известны химикам, хотя и не в том сочетании, в котором я их использовал. Воздействие тепла и влаги кожи на эти вещества таково, что их свойства проявляются постепенно. Их действие, поначалу незаметное, проявляется прежде всего в восхитительном запахе, который, в свою очередь, приводит к афазии и параличу нервов и мышц. В этом состоянии субъект может оставаться совершенно беспомощным, но полностью владеющим своими чувствами, в течение примерно получаса. Затем платье должно быть снято – обязательно запомните это, – иначе начнутся судороги, наступит настоящий паралич и, наконец, смерть.

– Но, конечно, месье не думает, что я могу допустить подобную случайность?

– Конечно, нет. Ваша цель, как вы мне доверили, состоит в том, чтобы держать вашего друга в состоянии беспомощного сознания или сознательной беспомощности, пока вы выполняете поставленную вами цель. Насколько я понимаю, это особенность маскарада. Тем не менее, если непредвиденные обстоятельства, о которых я говорил, произойдут, мадам маркиза может быть уверена, что причина этого навсегда останется тайной даже для самого опытного физиолога.

– Продолжайте, господин доктор.

– Я так точно определил количество и силу веществ, которыми пропитан шелк, что смерть наступит только в результате их полного впитывания порами. Их действие непосредственно на те мириады нервов, концы которых лежат в основе всей поверхности кожи, с противодействующим действием на мышечную систему, от их присутствия в тканях или каких-либо выделениях не останется и следа. Самый искусный и подозрительный химик был бы сбит с толку, обнаружив малейшее количество веществ, будь то в шелке или в человеке, и его вердикт был бы: "смерть от паралича".

– Боже упаси, чтобы это когда-нибудь подверглось испытанию, – благочестиво воскликнула маркиза. – Задолго до этого моя цель будет достигнута, и слуге будет отдан приказ раздеть моего друга и уничтожить платье.

– Да, в таком случае платье лучше уничтожить. Позвольте мне поблагодарить мадам за десять тысяч франков, которые я имел удовольствие получить от ее банкиров. Пусть успех и удовольствие ждут ее в ее маленьком эксперименте с другом. Всего хорошего.

Я застыл от удивления, услышав эти слова, невероятность которых настолько глубоко запечатлелась в моей памяти, что я отчетливо помню их даже спустя столько времени. Я смог понять, что они угрожали злом кому-то, кто был объектом отвращения маркизы. Но какое зло? И кому? Я спрятался за большой фарфоровой вазой в оранжерее и стал ждать развития событий. Дверь будуара открылась, и мужчина, чей внешний вид выдавал в нем костюмера, с большим свертком под мышкой, вышел из будуара и направился к выходу через салоны.

Несмотря на его маскировку и то, как шапочка скрывала его лицо, я узнал известного врача Латинского квартала, чья репутация честного человека была столь же низкой, сколь выдающейся была его репутация профессионала в его ремесле. Я как раз решал, что делать,

когда в будуар вошел камердинер и сообщил мадам, что ждет еще один костюмер. Я решил остаться там, где был, и ждать развития событий. Дверь будуара закрылась за высокой фигурой, закутанной в плащ, лицо которой было скрыто под широкополой шляпой чрезмерных размеров, но чей нарядный ансамбль показался мне знакомым. Кружевные занавески, закрывавшие окна будуара, выходящие в оранжерею, были так тщательно задернуты, что сквозь них ничего нельзя было разглядеть, но я мог слышать звук быстрого шуршания платья, а затем звук, похожий на вздох, чередующийся с другим звуком, который я принял за звук поцелуя, а затем прошепанные слова:

– Франсуа!

– Матильда!

Я узнал этот голос. В этом не могло быть никаких сомнений. Это был аббат. "Ха, ха! Господин аббат, – подумал я, – вы смелый человек, если таким образом призываете на себя месть моего хозяина; но, честное слово! несмотря на ваши пятифранковые монеты и наполеоны, он узнает про это, и тогда..." (Тут баскский пастух наполнил свою жестяную кружку вином из кувшина и, сделав большой глоток, продолжил:)

Маркиза подошла к окну, раздвинула кружевные занавески и осторожно выглянула в оранжерею. Я плотнее присел за своей вазой и остался незамеченным. Она снова задернула занавески, успокоившись, и удалилась. Между аббатом и маркизой состоялся разговор, который, как и предыдущий, неизгладимо запечатлелся в моей памяти последующими событиями.

– Наконец-то, – пробормотала маркиза.

– Наконец-то, – ответил аббат.

– Все готово?

– Каюты заказаны на "Бельгике", он выходит из Гавра завтра в восемь утра. Мы покидаем Париж в полночь. У северной двери нас будет ждать экипаж, который доставит нас до конечной станции. Оказавшись на борту, мы будем в безопасности от преследования. В Америке начнется наша новая жизнь. Нас будут звать Дюбуа.

– Вам перевели деньги?

– Да. Вот расписка; а мантия?..

– Это одеяние Мефистофеля. Это выбор нашего друга.

– Ничто не может быть более подходящим – Мефистофель перехитрил сам себя, – засмеялся аббат.

– Тебе нравится идея с лекарственным платьем?

– Восхитительно, это гениальный ход.

– За что мы должны поблагодарить Доктора. Он считал его гораздо более подходящим для этой цели, чем анестетики.

– Да, я понимаю. Простое оцепенение или бесчувственность лишили бы перемены смысла и лишили бы ваш отъезд его блеска. Это была бы история без морали.

– Я могу представить, как он лежит там на диване, бессильный в своей ярости, неспособный говорить или двигаться, но все же чувствующий все, пока мы стоим перед ним, неторопливо ведя нашу последнюю тайную беседу перед побегом. Разве это не смешно, мой друг?

– И машем ему на прощание, перед выходом.

– Я должна хотя бы раз поцеловать его, прежде чем попрощаться, – жалобно заметила маркиза.

– И оставить распоряжение его няне раздеть бедного ребенка и уложить его в постель, – засмеялся аббат.

Теперь я весь стал вниманием, но голоса были понижены, очевидно, обсуждая какие-то более конфиденциальные вопросы. Однако я услышал достаточно, чтобы убедиться, что платье, упомянутое в двух подслушанных мною разговорах, предназначалось для маркиза, поскольку я уже знал, что он решил появиться в роли Мефистофеля. Кроме того, я мог бы

сделать вывод, что маркиза и аббат в сговоре, что они, очевидно, были в самых близких отношениях, и что маркиз был объектом этого заговора. Разговор вскоре возобновился в более громком ключе.

– А это твое платье, Франсуа – Мефистофель, как и у нашего друга. Когда он, по моему приглашению, в одиннадцать часов отправится сюда отдыхать, ты займешь его место в салонах. Ваш ансамбль похож, и образ будет идеальным. Кроме того, это усилит эффект нашего прощания, когда он увидит, что его место занято таким лестным заместителем, – засмеялась маркиза.

– Если... предположим... ха! ха! вы, конечно, предусмотрели и это – возможно произойдет какая-то ошибка, и платья будут перепутаны. Мысль не из приятных.

– Невозможно. Вуаля! Костюм нашего друга украшен двумя маленькими крестиками из белой ленты, один здесь, на задней части воротника, другой на левой лодыжке брюк. На твоём нет таких украшений.

– Твое предвидение восхитительно.

– Вам, как костюмеру, была выделена комната на третьем этаже. Я отнесу туда твое платье своими собственными руками. Ты появишься на этаже в одиннадцать. Если у меня будет возможность связаться с вами, наш пароль – "круа блан". Теперь иди.

– Тогда до одиннадцати. До свидания! – и названный костюмер в плаще вышел, за ним последовала маркиза, одетая для ежедневной прогулки по Булонскому лесу.

Во время последней части этого разговора мои чувства переполнились отвращением. Отвращение и ненависть заняли место любопытства. Возможно ли, спрашивал я себя, что Франция, что весь мир, может породить такие воплощения низости и злобы? Возможно ли, чтобы преступление, подобное задуманному, могло быть совершено для достижения какой-либо цели вообще? Возможно ли, что это могла быть мадам Маркиза, которую я знал столько лет, не зная ее истинной природы, или ее натура стала ужасно и внезапно извращенной и изменилась? Я провел руками по лбу, чтобы вытереть капли пота, которые собрались на нем, как роса.

Я тщетно пытался убедить себя, что это был какой-то ужасный кошмар. Я попытался пошевелиться, отползти, но какое-то смертельное очарование, которому я не мог сопротивляться, свело на нет силу моей воли и остановило движение. Постепенно созерцание чудовищности услышанного уступило желанию противодействовать и помешать этому. Это, в свою очередь, вызвало волнение. Я поднялся из тени вазы. Я полетел к Лизетт, которую нашел в ее комнате, и она посмотрела на меня так, как будто я был призраком.

– Беги! Лети! – закричал я. – Быстрее! Смени ленты на платьях, или мы пропали... пропали!

Бедная девушка разрыдалась и упала на колени, взывая к святым о защите. Она подумала, что я сошел с ума. Но я подхватил ее на руки и почти понес в будуар мадам. Там лежали два красных шелковых костюма, состоящих из туник и чулок – абсолютно одинаковые одеяния Мефистофеля, за исключением того, что на воротнике и лодыжках одного костюма были маленькие крестики из белой ленты.

– Теперь, Лизетт, – воскликнул я, – поскольку ты дорожишь моей любовью, как ты дорожишь своей собственной жизнью, как ты дорожишь своими надеждами на небеса, возьми иголку и нитку и – быстро! – отдели эти ленточные кресты от этого костюма и пришей их в точно таких же местах на другой.

Бедная девушка дрожала и смотрела на меня с испуганным выражением лица, не говоря ни слова из-за страха, потому что теперь она была полностью убеждена, что я сумасшедший, но повиновалась мне механически так быстро, как только позволял ей страх, и, наконец, ленты поменялись местами на одежде. Затем я аккуратно разложил костюмы в те же положения, в которых я их нашел, отвел Лизетт обратно в ее комнату и умолял ее успокоиться и обещал, что я все расскажу ей в свое время.

До сих пор я действовал, не задумываясь, и исключительно под влиянием момента. Теперь кровь хлынула в мою голову, как поток, когда я, наконец, нашел время подумать. Что я наделал? Разве я не стал каким-то образом участником этой ужасной махинации? Я ввел в мероприятие новую комбинацию, последствия которой меня ужаснули. Разве я не был ответственным за нечто? Но за что? Мой мозг пошатнулся. Я не мог собраться с мыслями. Я бросилась в будуар, полный решимости уничтожить ужасные одежды, таящие в себе, я не знал, какую смертельную опасность для этой семьи. Я решил немедленно уничтожить платя. Я подошел к пуфику, на котором они лежали. Моя трусость взяла верх надо мной, и я боялся прикоснуться к ним. Если я действительно возьму их, как мне объяснить их исчезновение? Мадам сразу же хватиться их по возвращении. Лизетт, которая одна имела привилегию входить в будуар, будет допрошена, и она, бедная, простая девушка, сознается во всем. Как я должен объяснить свое обладание ужасной тайной? Мой страх перед последствиями для себя и для нее был слишком велик, чтобы позволить мне предпринять какие-либо действия. Я услышала шаги снаружи, что заставило меня в тревоге поспешно ретироваться в зимний сад. Это был просто один из рабочих, пришедших, чтобы закончить подгонку драпировок в салоне. Выйдя из будуара, я не осмелился вернуться, и этим действием или бездействием данное событие закончилось. Тогда я решил немедленно отправиться к маркизу и рассказать ему все, что я видел и слышал. Я поспешил в его кабинет. Он был пуст. В бильярдную. Его там не было. Я расспросил консьержа. Он сообщил мне, что маркиз отправился в свой клуб. Я вскочил в карету и поехал туда, но обнаружил, что он уже отправился с компанией в Версаль. Я вернулся в дом, снова разыскал Лизетт и все ей рассказал. Я с трудом смог заставить ее понять ситуацию. Когда она наконец все поняла, эффект отличался от того, что я ожидал. Она смеялась над моими страхами и пыталась убедить меня, что все, что я слышал, просто относится к какой-то хитроумной выдумке – какому-то механическому сюрпризу, – который мадам собиралась показать для удовольствия своих гостей. Но аббат? Я настаивал. Лизетт рассмеялась. Почему бы аббату не прийти на маскарад? Он был очень приятным, вежливым джентльменом, и она не видела ничего плохого в том, что он восхищался мадам. Я был в отчаянии от ее глупости.

– Давай уедем, Лизетт! – воскликнул я. – Давайте немедленно вернемся в Беарн, где мы сможем жить счастливо и вдали от этих странных развлечений.

– Что? – воскликнула она, – и лишиться нашего жалованья? Боже мой, Филипп, ты действительно сумасшедший. Кроме того, если ужасная развязка, которую ты предчувствуешь, действительно произойдет, не будет ли наше бегство истолковано как признание вины, и не должны ли мы быть арестованы и возвращены, чтобы ответить за все, что может произойти?

Мой разум подсказывал мне, что это было очень даже верно, и на в деле это был неопровержимый аргумент. Поэтому я решил положиться на обстоятельства и дожидаться события, рассказав все маркизу как можно скорее.

В четыре маркиза вернулась с прогулки и позвала Лизетту в будуар. Я притворился, что делаю что-то в салоне, и наблюдал, как они вышли и удалились в апартаменты маркизы, Лизетта несла в руках два платья. Гости начнут прибывать не раньше десяти, и долгие часы казались вечностью, пока они медленно проходили, и я ждала возвращения маркиза. В семь – время обеда – маркиза еще не было, и мадам ужинала одна. Мое волнение росло по мере того, как вечер тянулся, пока я не почувствовал, что меня бросает в сильнейший жар. Как мне подойти к маркизу, когда он прибудет? Как сообщить ему ужасную новость, знание которой было так важно, но и так злое? Я мучил себя тем, как мне следует начать, и тем, как он, вероятно, воспримет мое сообщение. Я хорошо знал неуправляемую природу его страсти, когда он, бывало, был достаточно возбужденным, что, надо отдать ему должное, случалось редко. Обычно он был вежлив и фамильярен со мной, и я льстил себе мыслью, что могу даже затронуть неприятную тему с определенной степенью безопасности и уверенности. Но это... Я дрожал, думая о том, что может случиться. Именно тогда с чувством трепета, сродни чувству

вины, я наконец увидел, как карета остановилась перед портиком, маркиз вышел и удалился в свои апартаменты. Меня вызвали к нему почти сразу. Личные апартаменты маркиза состояли из трех комнат: первая, или самая дальняя, была прихожей, вторая – комната отдыха и третья – спальня. Маркиз обычно занимал вторую из них и был там, когда я вошел. Он казался в отличном настроении и хорошем расположении духа.

– Ну что, Филипп, – сказал он, – все готово? Париж ожидает, что я буду валять дурака часок-другой, и я полагаю, что мне нужно привести себя в порядок, чтобы сделать это. У тебя есть Мефистофель, а? – и он зевнул, потягиваясь на диване и попыхивая сигаретой.

– Если месье маркиз позволит мне сказать... – начала я, а затем заколебалась, нервно расставляя вещи по комнате и не в силах продолжить.

Месье не обратил внимания на мои слова, но рассеянно затянулся сигаретой.

– Случилось кое-что, что, месье... то есть маркиза, – пробормотал я в манере, совершенно не свойственной мне, что привлекло рассеянное внимание маркиза.

– Что, Филипп? У тебя сообщение от мадам!

– Прошу прощения, месье. Я собирался рассказать о деле огромной важности. В то время, когда я был в музыкальном салоне. Аббат...

– Что?! – прогремел маркиз, вскакивая с дивана. – Что ты сказал? Аббат Р. в моем доме – в оранжерее? Злодей, – он приблизился и яростно схватил меня за воротник, – быстро! объяснись или с помощью...

– Выслушайте меня, месье, – взмолилась я, вырываясь из его хватки, – это была не моя вина. Если месье только выслушает меня, я объясню...

– Ты лжешь! – закричал он. – Консьерж и слуги получили строгий приказ не впускать этого человека. Если я обнаружу, что ты обманул меня или воспользовался моей доверчивостью, чтобы служить своим собственным целям – какими бы они ни были – клянусь Богом, я кое-что сделаю, – и он еще крепче сжал мой воротник.

Физически он был намного сильнее меня, и я содрогнулся при мысли о рукопашном поединке. Я подумал, что лучшее, что я мог сделать, это хранить молчание. Через несколько секунд он ослабил хватку на моем воротнике. Он, очевидно, собрался с силами. Любопытство и интерес взяли верх над страстью. Вскоре он отпустил меня и начал ходить взад и вперед по комнате. Я так плохо преуспел в своей попытке рассказать свою историю, что, что бы ни случилось, на этот раз я решил позволить ему вести разговор.

– Вы говорите, что аббат Р. был сегодня в моем доме, – сказал он наконец. – Будьте осторожны с ответом – как он вошел?

– В одежде костюмера, если это будет угодно месье.

– Где ты его видел?

– В будуаре мадам.

Он резко остановился на ходу, обернулся и посмотрел на меня со свирепым, как у дикого зверя, выражением, его тело сильно содрогалось. Он сделал движение ко мне, потом сдержался; я тем временем неподвижно стояла у туалетного столика. Он попытался заговорить, но потерпел неудачу. Он возобновил свою механическую ходьбу. Через минуту он снова остановился.

– Филипп, – прошипел он, – что бы ты ни слышал или чему бы ни был свидетелем, я прошу тебя рассказать мне все, без страха или скрытности, но остерегайся сокрытия или искажения фактов. Продолжай.

Он остался стоять, и я начал рассказывать ему о беседе маркизы и доктора, как я уже говорил вам, и по мере того, как я продолжал, я видел, как его лицо окаменело, зубы сжались, и мертвенная бледность распространилась по всем его чертам. Иногда он ходил взад и вперед во время моего повествования, иногда делал паузу – но его действия были механическими. Я продолжал рассказывать ему о беседе между мадам и аббатом, каждую минуту ожидая нового

всплеска страсти, но ничего не произошло. Вместо этого было холодное и жесткое выражение лица, показывающее какую-то неизменную решимость. Немного подумав, он заговорил.

– Филипп, – спокойно сказал он, – ты оказал мне большую услугу, я не забуду этого. Есть еще одна услуга, которую ты должен мне оказать – последняя. Ты любишь Лизетт. Вы помолвлены, чтобы пожениться. Ты долгое время был у меня на службе. Сегодня вечером эта служба заканчивается. Вам обоим я должен вам около восьми тысяч франков. Я заплачу пятьдесят тысяч при условии, что ты сегодня же отправишься в Америку.

– Но, месье, – начал я, совершенно ошеломленный, – подумайте о времени, к тому же мы не женаты.

Маркиз достал часы и позвонил в колокольчик.

– Уже девять часов.

Затем обратился к слуге, который ответил на вызов:

– Возьмите экипаж и немедленно доставьте сюда месье Лавуазье, нотариуса. Поторопитесь.

Слуга поклонился и удалился.

– Идите, – продолжал маркиз, – и передайте мои наилучшие пожелания мадам маркизе, и скажите, что я хотел бы на несколько минут увидеть Лизетту, если она сможет ее отпустить. Я полагаю, вы принимаете мои условия? Сегодня вечером могут произойти события такого характера, что потребуется ваш арест и задержание в качестве свидетелей. В ваших и моих интересах вам следует покинуть Францию. Ты должен знать об этом.

Я был совершенно сбит с толку. Все мои жизненные планы разлетелись по ветру в одно мгновение! Теперь нет пути назад в Беарн! Превосходящая воля маркиза овладела мной. Если бы я задумался, я бы, возможно, заколебался. Какой она была – Америка? Я много слышал об этой стране. И пятьдесят тысяч франков! Это было состояние, о котором я никогда не мечтал.

Я отправился в апартаменты мадам маркизы и через одного из слуг в прихожей передал послание маркиза. Лизетт вышла.

– Лизетта, – прошептал я, – немедленно пойдем со мной в покои маркиза. Сегодня вечером мы поженемся и уедем в Америку с пятьюдесятью тысячами франков.

Лизетт посмотрела на меня так же, как тогда, когда я заставил ее поменять ленты на платьях, как будто она подозревала, в здравом ли я уме. Она сделала движение, чтобы убежать обратно в покои мадам, но я был слишком быстр. Я схватил ее за запястье и, ведя в апартаменты маркиза, попытался втолковать ей, что от нее требуется. Внезапность и странность последних событий были слишком сильны для нее, и она машинально повиновалась. Я сказал ей оставаться в прихожей, пока я не выйду. Маркиз сидел за столом и писал. Он стал спокоен – сверхъестественно спокоен; от его недавнего возбуждения не осталось и следа. Он не поднял глаз, когда я вошел, но продолжал писать. Я стоял и молча ждал.

Вскоре послышался стук в дверь, на который я поспешил ответить. Это был нотариус, которого я сразу же ввел в присутствие маркиза.

– Добрый вечер, месье Лавуазье, – сказал маркиз, – прошу садиться. Лизетт здесь? – обратился он ко мне.

– Она ждет, если это будет угодно месье, – ответил я.

– Позови ее.

Я ввел ее, и мы предстали перед маркизом и нотариусом, которые сидели по разные стороны центрального стола.

– Эти молодые люди хотят пожениться, месье Лавуазье. Пожалуйста, оформите необходимые документы немедленно, так как мы не можем терять времени.

Нотариус сделал, как ему было велено и после того, как вопросы и формальности были пройдены, мы с Лизетт стали мужем и женой, и нотариус, положив в карман свой гонорар, удалился.

– Я дал указание своим банкирам, – продолжал маркиз, постукивая рукой по написанному им письму, – разместить на ваш счет в Нью-Йорке указанную мной сумму. Завтра вы покинете Гавр бельгийским пароходом. Карета будет ждать сегодня вечером у северной двери, чтобы доставить вас на конечную станцию, – добавил он, многозначительно глядя на меня. – Лизетт теперь может вернуться к своим обязанностям до тех пор, но не должна никому рассказывать ни малейшего намека на то, что произошло. Заставь ее понять это, Филипп, а затем немедленно возвращайся.

Я проводил Лизетт обратно в апартаменты мадам, убедив ее в необходимости сохранения абсолютной тайны в отношении того, что произошло, и сказал ей быть готовой уйти в любой момент. Затем я поцеловал ее и вернулся к маркизу.

Шум экипажей во дворе и приглушенный гул голосов в салонах внизу были достаточным доказательством того, что гости прибывали в полном составе, поскольку было уже больше десяти часов. Не потребовалось много времени, чтобы нарядить маркиза в красную шелковую тунику и лосины, которые мадам предназначила для аббата; и, добавив короткий плащ, шпагу и шляпу с перьями, а также маску (копии всего того, что было предоставлено аббату), он стал, должен признаться, иметь весьма поразительное сходство с обычным Мефистофелем со сцены. Одеваясь, он давал мне указания относительно того, что я должен сделать в отношении мадам и аббата, смысл и последствия которых покажет продолжение. Затем он спустился в салоны, оставив меня одного.

Пережитое мной волнение, столь необычное для моего образа жизни, подействовало как мощный стимул на мой мозг и нервы; и теперь я чувствовал себя как человек под воздействием сильных опьяняющих веществ, собравший всю свою энергию, чтобы совершить или отважиться на любые действия, к которым могут привести обстоятельства, но без притупление умственных способностей, которое обычно придает алкоголь. Мое восприятие было странно острым, но я не позволял себе размышлять. Я ясно видел, в какие опасные осложнения сам себя втянул, но я утешал себя мыслью, что верно служу своему хозяину и что несколько коротких часов сделают Лизетт и меня вне досягаемости для опасности.

Моим первым приказом было находиться как можно ближе к мадам, чтобы она могла использовать меня в качестве носителя любого сообщения, которое она пожелает отправить. С этой целью я спустился в салоны и смешался с гуляками. Все было настолько блестящим и привлекательным, насколько это могли сделать неограниченные расходы и безупречный вкус. Бомонд Франции был там, наслаждаясь, как может только бомонд Франции. Самая голубая кровь старого режима развлекалась с самозабвением, которого можно достичь только в маскараде. Ходили слухи, что сам император почтит праздник своим присутствием; и, действительно, из того, что я знаю о слабостях королевских особ – ибо я сопровождал маркиза при всех дворах Европы – он, возможно, в тот самый момент был на полу, веселый, как самый безумный из них всех.

Я протолкался сквозь ослепительную и постоянно меняющуюся толпу рыцарей, флиртующих с пастушками, и греческих богинь, томящихся с черномазыми, и заметил маркизу, одетую как одалиска, в салоне-оранжерее, рядом с будуаром, где я и ожидал ее найти. Она казалась озабоченной, пока ее глаза не остановились на мне, и тогда она мгновенно поманила меня к себе.

– Филипп, – сказала она, – немедленно иди и найди маркиза и скажи ему, что я должна сказать ему нечто важное, если он согласится встретиться со мной в будуаре. После того, как вы проводите его туда, идите в голубую комнату на третьем и скажите, что мадам маркиза желает видеть месье Круа-Блана, костюмера, на несколько минут в северном коридоре.

Я поклонился и поспешил найти маркиза по предварительной договоренности в самом дальнем конце пяти салонов и ознакомил его с посланием мадам. Он проводил меня в север-

ный коридор, где по его просьбе я перочинным ножом оторвал от его платья маленькие белые ленточки с крестиками и, оставив его, проследовал в комнату аббата.

Я постучал в дверь, и мне ответили изнутри измененным голосом, спрашивая, чего я хочу, но дверь не открыли, из чего я заключил, что аббат еще не закончил свой туалет.

– Госпожа маркиза, – сказал я, – желает немедленно видеть господина Круа-Блана в своем будуаре.

– В ее будуаре, вы сказали? – спросил голос.

– Да, месье, – ответил я. – Мадам просила передать, что непредвиденное обстоятельство требует немедленного присутствия месье Круа-Блана в ее будуаре.

– Передайте мадам, что я спешу выполнить ее приказ, – ответил голос. – Путь мне известен, я не стану утруждать вас проводить меня туда.

Я был совершенно уверен в этом, но прекрасно понимал, что аббат не хотел появляться передо мной в точно таком же наряде как и маркиза, поскольку такой шаг мог вызвать у меня подозрения, поэтому я демонстративно удалился, чтобы дать ему возможность пройти в салоны без риска быть обнаруженным. Оказавшись там, ему нечего было бояться, кроме личной встречи с маркизом, которую он, конечно же, доверил мадам, чтобы она защитила его.

Теперь моя роль заключалась в том, чтобы рассчитать время своего возвращения к маркизе так, чтобы увести ее подальше от будуара до прихода аббата, но при этом не допустить, чтобы она увидела его, когда он будет спускаться по лестнице. Жест приветствия с его стороны разрушил бы все, если бы он случайно увидел ее, в то время как, с другой стороны, появление Мефистофеля на лестнице в равной степени раскрыл бы личность, которую теперь маркиз пытался скрыть. Соответственно, я задержался у подножия лестницы, пока не услышал шаги на верхнем этаже, а затем, быстро предсав перед мадам, сообщил ей, что маркиз приближается к будуару, и что месье Круа-Блан ждет в северном коридоре.

– Размышляя о моем поведении в ту ночь, – прервал рассказ баскский пастух, обращаясь ко мне, – даже через столько времени я чувствую глубокий стыд за свое двуличие, каким бы благим намерением оно ни было оправдано. Я был увлечен чувствами и интересами момента, и поистине, горько я заплатил за это!

Он продолжил повествование:

Целью мадам было не встретиться с маркизом, а заманить его в свой будуар и подождать там. Поэтому она избегала ближайших салонов и перешла в оранжерею. Вскоре я последовал за ней, получив от маркиза указание занять свою позицию за вазой и подать ему условленный знак, когда влияние лекарственного платья должно было привести аббата в беспомощное состояние.

Ночь была теплой, и одно из окон будуара было оставлено с приоткрытой створкой, через которую, с того места, где я находился, был виден интерьер. Через несколько мгновений дверь из гостиной открылась, и вошел Мефистофель, которого по росту, фигуре, осанке и одежде я не смог бы отличить от маркиза, если бы не знал, что это аббат, настолько хорошо искусство помогло природе создать сходство.

Он постоял, словно в раздумье, минуту или две, а затем начал беспокойно расхаживать по комнате. Часы в будуаре пробили одиннадцать. Аббат остановился, повернулся, выглядя нерешительным и, наконец, нетерпеливым жестом растянулся во весь рост на диване, подперев щеку рукой. Я пристально наблюдал за ним. Часы тикали пять минут, десять, но фигура так и не изменила своего положения. По чертам лица под маской ничего нельзя было понять, но положение конечностей указывало на полный покой. Казалось, что платье, очевидно, делало свое дело, единственный вопрос заключался в том, наступил ли момент сообщить об этом маркизу. Еще через пять минут наблюдения я решил выяснить состояние аббата, и соответственно кашлянул и издал шуршащий звук там, где я был. Фигура не двигалась. Осмелев, я подошел к открытому окну и позвал тихим, отчетливым голосом: "Месье Круа-Блан! Месье

Круа-Блан!" Голова не сделала попытки приподняться, тело слегка пошевелилось, но ответа не последовало. Очевидно, время пришло. Распростертая передо мной фигура, по-видимому, достигла второй, или безмолвной и беспомощной стадии, которую доктор описал мадам, так что, очевидно, моим долгом было проинформировать маркиза.

Я вернулся в салоны и вскоре обнаружил Мефистофеля, прогуливающегося под руку с одалиской. Я прошел перед парой, казалось, не замечая их – знак, предварительно согласованный с маркизом. Обернувшись, я увидел, что они движутся в направлении будуара, и, как только я смог сделать это, не привлекая внимания, я вернулся в оранжерею и занял свое прежнее место за вазой, маркиз приказал мне сделать это, чтобы я мог быть в пределах досягаемости, если понадобится. Когда я посмотрел в полуоткрытое окно, моему взору предстала странная сцена. Там, в будуаре, на диване, точно так же, как я его оставил, лежал Мефистофель в маске, которого я знал как аббата, а перед ним стояла одалиска – иначе мадам Маркиза – опираясь на руку другого Мефистофеля, которого она приняла за аббата, но который был в реальности маркизом.

– Франсуа, – сказала одалиска, глядя на своего партнера, – ты можешь, по крайней мере, говорить без утайки. Сегодня ты не раскрыл своих уст. Прошу вас, не будьте настолько невежливы с месье маркизом, чтобы даже не попрощаться с ним. Я уверена, что он никогда не простил бы нам нехватку вежливости.

Стоящий Мефистофель оставался неподвижным, не выдавая ни словом, ни действием, что он слышал одалиску. По телу лежащего Мефистофеля пробежала дрожь, которая показала, что он услышал и оценил слова мадам. Его рука немного приподнялась, но бессильно упала рядом с ним, в то время как движение маски, казалось, указывало на то, что попытка заговорить оказалась безуспешной.

– Что может быть не так с господином маркизом, – шутливо продолжала одалиска, – что он не встает, чтобы поприветствовать нас? Возможно, слишком много вина – кто знает? Я думаю, нам лучше снять с него маску и впустить свежий воздух. Это может помочь привести его в чувство, – и она сделала движение в сторону кушетки. Ее Мефистофель удержал ее, крепко сжав ее руку своей. Она казалась удивленной, но мгновение или два ничего не говорила.

– Что ж, Франсуа, – наконец заметила она, – похоже, бесполезно затягивать эту беседу. Если никто из вас ничего не скажет, что я могу поделаться? Я позвоню Лизетт, которая вызовет Филиппа. Он разденет его и уложит в постель, пока мы совершаем нашу маленькую прогулку, вы согласны, милый? – и она сделала шаг к звонку.

Все еще стоящий Мефистофель, непроницаемый и безмолвный, как и прежде, крепко прижимал ее к себе, и снова лежащий Мефистофель бессильно корчился на ложе. Теперь, впервые, одалиска проявила признаки беспокойства.

– Франсуа, – прошептала она, – Франсуа, давай покончим с этой сценой. Странное предчувствие наполняет меня. Это может зайти слишком далеко. Давайте воздержимся, пока не стало слишком поздно. Давайте позовем Филиппа и немедленно отправимся в путь.

По-прежнему недвижимая и зловещая фигура рядом с ней ничего не говорила и крепко держала ее, а его двойник в маске все еще дрожал на диване. Я скорчился, пораженный ужасом и затаивший дыхание, дрожа от неизвестного страха перед тем, что может произойти.

Внезапно, со скоростью света, одалиска высвободилась из рук своего партнера и, метнувшись к кушетке, сорвала маску с лежащей фигуры, открыв хорошо знакомые черты аббата, которые исказились самым отвратительным образом и, казалось, демонстрировали смертельную муку.

С диким и продолжительным криком одалиска вскинула руки и упала в объятия Мефистофеля. Этим движением она опрокинула восковую свечу с подвесного канделябра на потолок, которая, упав на одну из легких драпировок будуара, мгновенно окутала всю комнату пламенем. Я выпрыгнул в открытое окно и помог маркизу вытащить мадам через боковую

дверь в коридор, как раз вовремя, чтобы спасти ее от огня. Когда я бросился обратно в будуар, чтобы спасти аббата, меня перехватил маркиз, который с силой оттолкнул меня назад, сказав:

– Уходи немедленно. Я позабочусь об этом. Забирай Лизетт и уходи.

Я не нуждался во второй команде, но взлетел по лестнице только для того, чтобы встретить бегущую вниз Лизетт. На ней было дорожное платье, а в руках она держала небольшую сумку.

После этого у меня нет четких воспоминаний о событиях. Все запутано. Я помню крики "Пожар! Огонь!" Безумная спешка разношерстной толпы по коридорам и вниз по лестницам. У портика стояли две кареты, в одну из которых четверо мужчин в плащах и капюшонах несли неподвижную фигуру одалиски, а в другой увезли нас с Лизетт. Я помню, когда мы отъезжали, рев пожарных машин, плеск воды, треск пламени, падающие бревна и зловещий блеск горящего здания. Я смутно помню поездку по железной дороге, суматоху отходящего парохода и то, что мне выделили каюту, и то, что ко мне обращались "месье Дюбуа", но только когда мы были в трех днях пути от Гавра, я восстановил душевное равновесие.

Когда мы добрались до Нью-Йорка, я с нетерпением стал искать парижские газеты. Они рассказали о сожжении особняка маркиза де Б. во время бала-маскарада, и о том, что мадам Маркизу больше никто не видел и не слышал, и о том, что аббат Р. таинственным образом исчез в ту же ночь, и поскольку служащий пароходной компании проследил за тем, чтобы на борту "Бельгика" были заняты каюты, и поскольку было доказано, что эти каюты были заняты леди и джентльменом во время перехода в Америку, общественное мнение, естественно, решило, что аббат сбежал с маркизой. В развалинах был обнаружен единственный обугленный и неузнаваемый труп, предположительно одного из слуг. Чей это был труп, я предоставляю судить вам самим. Что касается маркизы, у меня сложилось впечатление, что маркиз планировал тайно увезти ее и замуровать в женском монастыре или сумасшедшем доме, и что карета, в которую, как я видел, погрузили тело одалиски, была там для этой цели. Я помню, что видел сообщение о смерти маркиза три года спустя.

Что касается меня, деньги маркиза не принесли мне ничего хорошего. Я два или три раза открывал бизнес в Нью-Йорке и терпел неудачу. Лизетт умерла два года назад. Затем я приехал в Калифорнию, и вот я здесь. Я вижу, ты дремлешь, так что тебе лучше расстелить одеяло в том углу у камина и лечь спать.

1879 год

ВЕЛИКАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ДИАФРАГМА

Некоторый отчет о телеграф-системе барона О.

Особенно наблюдательный глаз мог бы заметить на Клей-стрит в Сан-Франциско весной и летом 78-го года тонкую нить или шнур, поднимающийся в небосвод с крыши двухэтажного особняка, в остальном ничем не отличающегося от своих соседей и сотен других домов города – тот же штамп, который украшает или делает монотонным мегаполис на берегу Тихого океана. Глаз должен быть особенно наблюдательным, чтобы вообще заметить это, поскольку казалось, что толщина его едва превышает одну восьмую дюйма, но однажды замеченный, он, несомненно, привлек бы внимание и пробудил любопытство размышляющего наблюдателя – хотя можно усомниться в том, что пассажиры канатной дороги, отправляясь утром в свои офисы или возвращаясь оттуда уставшими вечером, задумались бы над этим вопросом еще раз, если бы они заметили это. Он также не продержался там достаточно долго, чтобы вызвать общественное обсуждение, поскольку его определенно не видели там в апреле и столь же определенно он исчез в сентябре. Хотя и не постоянный пользователь услугами фуникулера, летом мне довелось совершить несколько поездок на вершину холма, во время одной из которых, ранним вечером, я оказался единственным пассажиром вагона. Не знающая границ реклама на панелях, которая незаслуженно привлекает внимание, не заинтересовала меня, томная поза кондуктора с лицом тупицы не удовлетворила мою тягу к прекрасному, варвар в синей блузе, вяло вышагивающий по тротуару с руками засунутый поглубже в карманы брюк, не вызывал ни чувства вражды, ни этнологических раздумий – на самом деле, мне было очень скучно. И таким образом, с умом, открытым для внимания к любому объекту, каким бы тривиальным он ни был. Осматривая фасады домов, пока мы медленно поднимались на холм, мой взгляд случайно упал на эту тонкую нить, тянущуюся прямо вверх с крыши одного из домов – вверх, вверх, пока не терялась в лазурных глубинах прозрачное калифорнийское небо. Я немедленно начал рассуждать о значении и цели этого своеобразного явления. Очевидно, что у него должно быть предназначение, но что бы это могло быть? Куда устремлялся шнур? Предположения были неубедительными и, поскольку я не мог сформулировать разумного решения вопроса, я на данный момент отказался от него и решил в своей следующей поездке обеспечить себе телескопическую помощь, чтобы проникнуть в тайну. На следующий день я раздобыл очень мощное бинокулярное стекло и с ним поплелся вверх по склону, пока не оказался напротив того дома. Прибыв туда, я начал наводить бинокляр в упор на интересующий меня объект, считая, что особые обстоятельства дела освобождают меня от обвинения в нарушении правил приличия со стороны жильцов. Поместив нижний конец шнура как можно дальше в поле зрения, я приступил к поднятию линз, но обнаружил, что шнур вскоре исчез в лазури, на высоте, которую я оценил не более чем в тысячу футов. Разочарованный таким методом исследования, я осмотрел небеса поблизости в поисках точки схода, определенной законами перспективы, и в конце концов была вознаграждена открытием – маленькой черной точки или атома, неподвижно находящегося в воздухе на огромной высоте – много десятков футов, как я тогда рассудил без точных расчетов, поскольку в данных обстоятельствах не было никакого возможного способа определить тригонометрические ориентиры. Это черное пятнышко или атом, во всяком случае, стало набранным очком, и я без колебаний мысленно соединил его со шнуром, хотя я все еще был так же совершенно озадачен, для чего это сделано и что это за объект. Я повернул домой и, спускаясь с холма, погруженный в раздумья, чуть не столкнулся с поднимающимся человеком, который оказался не кем иным, как моим другом С.

– Привет! – воскликнул С. – Куда ты идешь? Я думал, ты всегда едешь на фуникулере. Да еще и с театральным биноклем – я удивлен! Что? Наблюдал за Телеграф-Хиллом², и заливом, и Тамалпаисом³, и тому подобными делами, а?

– Нет, – ответил я. – Сегодня у меня был более интересный предмет для исследования; и поскольку, признаюсь, я совершенно растерян по этому поводу, возможно, ваша необычайная проницательность сможет мне помочь.

– Какой гордиев узел я должен разрубить, какой клубок в критском лабиринте распутать, чтобы помочь в твоих замыслах? – спросил С., приняв сценическую позу из "Пистолета".

– Понимаешь, С., факт в том, что есть клубок, который нужно распутать, или, скорее, я должен сказать, что клубок уже распутан, и этот загадочный клубок – совершенно не метафорический клубок, но вполне существующий и материальный.

– Что ж, покончим с загадками. Что это?

– Если вы поднимаетесь на холм, – ответил я, – я пойду с вами и покажу вам.

– Ну, у меня очень мало времени. У меня назначена встреча за ланчем с бароном О. в час. Кстати, ты его знаешь? Нет? Тогда пойдем со мной, и я тебя представлю. Он прусский ученый, занимающийся метеорологией Калифорнии и Тихого океана в целом, и, поскольку он намерен провести здесь немного времени, он снял дом выше по склону. Он всегда рад видеть любого, кто связан с литературой или искусством, и я возьму на себя смелость привести вас с собой. Вы найдете в нем что-то вроде Колосса.

– Что ж, – согласился я, – я непременно воспользуюсь таким удобным случаем и оставлю свою тайну на другой день.

К этому времени мы поднялись на холм к тому самому месту, где стоял дом, который я осматривал, и как раз в тот момент, когда я собирался привлечь внимание моего друга к этому факту, к моему удивлению, он поднялся по ступенькам и позвонил в дверь. Однако у меня не было времени что-либо сказать, прежде чем дверь открыл слуга в ливрее, и нас провели в приятную прохладную гостиную, по которой были разбросаны рукописи и научные приборы, диаграммы и рисунки. Все указывало на то, что обитатель этого места был человеком культуры, науки и исследований. Я едва успел сказать С. что моя тайна находилась именно здесь, и на это он мне ответил лишь многозначительной улыбкой, когда барон вошел и, сердечно пожав нам руки, провел нас в столовую, где был накрыт элегантный обед. Некоторое время разговор велся в обычном русле, но я мог видеть, что С. постепенно переводил его в сферу собственных научных интересов барона. Обсудив метеорологию Тихоокеанского побережья, трудности, стоящие на пути составления точных прогнозов, ненадежный характер тех примет, которые хорошо известны в других странах, и тесную связь электричества с атмосферными возмущениями, барон наконец сказал:

– Кстати, я должен показать вам работу по эксперименту, который я сейчас провожу с целью получения будущих практических результатов в телеграфии; и я думаю, что, помимо претензии на новизну, он воплощает принцип, который в конечном итоге изменит всю нашу систему электрической сигнализации.

– Вы меня удивляете, – заметил С. – Я думал, что наш соотечественник Эдисон, несомненно, добился самых лучших результатов в этой области, посмотрите на телефон и электрическое освещение.

– Здесь, в Америке, у него, несомненно, громкое имя, – ответил барон, – но разве страна не склонна быть... слишком равнодушной к своим сыновьям? В Европе его репутация, хотя и очень высокая, не соответствует той, которой он пользуется здесь; на самом деле, возникает

² Холм и его окрестности в Сан-Франциско, штат Калифорния. Это один из 44 холмов Сан-Франциско и один из его первоначальных "Семи холмов".

³ Пик в округе Марин, штат Калифорния, США, часто считается символом округа Марин.

серьезный вопрос, не разделяет ли Белл с ним честь изобретения телефона, и есть несколько ученых, которые обогнали его, если не вытеснили, в создании электрического свет.

– Тогда вы на самом деле не отдаете должное Эдисону за все, что он сделал! – заметил я.

– Да... я делаю исключение в его пользу и, что касается полезности, ей суждено занять очень высокое место в электрических открытиях – это дуплексная система телеграфии. Это изобретение Эдисона, и оно должно навсегда ассоциироваться с его именем, поскольку я считаю, что нет другого претендента на эту честь. Если бы не открытие этого удивительного свойства электричества, эксперименты, которыми я сейчас занимаюсь, никогда бы не были проведены. Я полагаю, вы осведомлены о принципе, используемом в так называемой дуплексной системе?

Не получив утвердительного ответа, достаточно убедительного, барон продолжил:

– Возможность передавать два или более сообщения по одной и той же линии и в одном и том же направлении, используя приемные приборы, которые чувствительны к сильным токам и нечувствительны к слабым или на которые влияет изменение характера токов с положительного на отрицательный или наоборот. Одно и то же правило действует на обоих концах и ограничение количества сообщений зависит только от чувствительности инструментов и точности их настройки. Я осведомлен о том, что по одному проводу было передано более шестнадцати одновременных сообщений – по восемь с каждого конца, но, как я уже сказал, возможность неограниченного численного увеличения ограничена только нашим мастерством в механике. Теоретически десять миллионов сообщений могут быть отправлены одновременно с той же четкостью, что и два. При нынешних грубых приборах даже незначительное увеличение привело бы к неразрешимой путанице. Но поскольку привычки общества и бизнеса пока не требуют такой широкой и расширенной коммуникации, на которую я намекал, нет никаких опасений, что используемые в настоящее время провода будут настолько перегружены сообщениями, что это снизит их полезность.

– Однако хорошей иллюстрацией гениальности, направленной на достижение практических целей (никому лучше не известных, чем вашим соотечественникам), является сначала создание потребности, а затем ее удовлетворение. Если бы у людей, разделенных морями и континентами, была возможность общаться свободно и непринужденно и в то же время в условиях такого же уединения, каким они наслаждались бы, запершись дома в комнате, разумно предположить, что люди не замедлили бы воспользоваться этой возможностью при условии наличия предмета отсутствия затрат – а это, в конце концов, самое важное соображение в известном вопросе – не оказалось недостатком. Но теперь, если вы пройдете со мной в гостиную, я проведу в вашем присутствии несколько экспериментов, которые, я думаю, принесут вам удовольствие. Я не налагаю на вас никаких ограничений, полностью полагаясь на ваше собственное здравое суждение в предании этого вопроса огласке, поскольку я рад сообщить, что могу позволить себе потакать своим научным наклонностям без необходимости получения выгоды, но я бы предпочел, чтобы вы не использовали мое имя в связи с этим делом, поскольку я испытываю ужас перед публичностью, и мое уважение к нетрадиционному гению американской прессы, должен признаться, в целом разбавлено некоторой долей страха. Поэтому я должен просить вас не предавать факты огласке, пока я, по крайней мере, не уеду из Калифорнии, – продолжал барон, смеясь.

Вернувшись в гостиную, барон повел нас в угол, где стоял массивный, хотя и маленький, стол, надежно прикрепленный к полу. Прямо под ним лежал окованный железом цилиндр или барабан около трех футов длиной и шести дюймов диаметром, вокруг которого были намотаны плотные мотки чего-то, по-видимому, очень тонкого, хотя и прочного шелкового шнура, свободный конец которого проходил вверх через отверстие в верхней части стола и, поднимаясь вверх в угол комнаты, исчезающий через дыру в потолке наверху. Барабан, намотанный на максимум, должно быть, вмещал многие тысячи футов тонкого шнура, хотя теперь на нем

почти ничего не осталось. Я также заметил, что вал или ось, на которой вращался барабан, проходила через подшипники по бокам стола, ножки которого были сделаны из стекла. Столешницу образовывала цельная плита из листового стекла, к которой был прикреплен прибор, напоминающий по своим общим характеристикам те приборы, которые обычно используются в телеграфной связи, заканчивающийся продолговатым ящиком, снабженным мундштуком, напоминающим телефонный; отличие состояло в том, что этот ящик был по крайней мере в три раза длиннее, чем у обычного телефона, и что его боковые стороны были снабжены тремя винтами с равными интервалами по всей длине.

Я сразу узнал шнур, происхождение которого озадачило меня этим утром, и рассказал барону, как было возбуждено мое любопытство и что я сделал, чтобы унять его. Он казался удивленным и несколько смутил меня, сказав, что наблюдал за моими эволюциями снаружи из окна и очень наслаждался моей очевидной мистификацией.

Я наклонился и осмотрел шнур и обнаружил, что он состоял из множества тонко сплетенных друг с другом нитей шелка и, хотя на вид был очень тонким, имел толщину едва ли более одной восьмой дюйма – очевидно, способный выдерживать большие нагрузки. Вокруг него была спирально намотана тончайшая проволока, едва заметная глазу, если не считать ее беловатого блеска, и спирали было достаточно, чтобы надежно привязать ее к шнуру.

– Теперь, – сказал барон, устанавливая соединение между металлическим диском (прикрепленным к стеклянной пластине через отверстие, в которое проходил провод) и вышеупомянутым телефонным аппаратом, – давайте посмотрим, как аппарат работает сегодня.

Сказав это, он приложил рот к отверстию и позвал: "Франц! Франц!"

Затем, повернувшись к нам и посмотрев на свои часы, заметил:

– Сейчас он должен прийти вовремя.

Едва он закончил говорить, как из телефона раздался голос (ибо я буду называть это так) исключительной четкости: "Фертиг⁴, герр барон".

Барон улыбнулся и вступил в разговор с голосом на своем родном языке.

Дискуссия стала оживленной, ответы – более быстрыми и громкими, как вдруг барон очень взволнованный повернулся к нам и сказал:

– В Берлине поднялся переполох. В императора несколько часов назад стрелял наемный убийца, когда он ехал по Унтер-ден-Линде и, кажется, Франц неоднократно звонил мне, но меня все утро не было дома, и, потому, я с ним не поговорил. Хотя здесь едва пробило два часа, в Пруссии уже за полночь – мое обычное время для получения ежедневного бюллетеня.

– Странно, что я ничего не слышал об этом в городе! – заметил С. – Я просмотрел бюллетень в редакции "Кроникл" непосредственно перед тем, как подняться сюда, но там не было никаких намеков ни на что подобное. И все же вы говорите мне, что случайность номер один помешала вам получить эту новость несколько часов назад. Ваши возможности, должно быть, превосходят возможности Ассошиэйтед Пресс!

– Так и есть, – ответил барон. – Неизбежные задержки, вызванные воспроизведением сообщений на разных станциях маршрута, делают операцию более утомительной и затяжной, чем мой метод. Я получаю новости из первых рук, – продолжал он, улыбаясь, – и мгновенно.

– Вы хотите сказать, – спросил С., – что у вас есть связь с Берлином не по обычному маршруту и обычным способом?

– Так и есть, – сказал барон. – В настоящее время я обладаю фактической монополией на величайшую телеграфную систему, мыслимую человеческому разуму: систему совершенно простую и, следовательно, полностью согласующуюся с законами природы; систему, также способную к бесконечному расширению и широчайшей полезности.

⁴ нем. Готов

– Простите меня за мой скептицизм, – возразил С. – Моя вера в происходящее пошатнулась. Тем не менее, у вас есть лучшее доказательство действенности вашей системы, какой бы она ни была, в фактах, свидетелями которых мы только что стали.

– Не пугайтесь, – смеясь, ответил барон. – Я не профессор оккультных наук, но возьмусь объяснить этот эксперимент логическим образом и подкрепить его тщательными научными доказательствами, прежде чем вы уйдете. Молю, не низводи меня до духовного общения с бедным, измученным сатаной, не позволив мне привести доказательства в свою защиту.

С. покраснел (чудо более редкое, чем черный лебединый пух), и барон, снова повернувшись к телефону, позвал, как и прежде: "Франц!"

Без малейшей задержки последовал ответ, как будто произнесенный кем-то в соседней комнате, и, как обычно, по-немецки.

– Облачно или ясно? – спросил барон.

– Чисто, – ответил голос.

Барон сделал пометку в своей записной книжке, показав, что он занимался, среди прочего, сбором сравнительной статистики в метеорологии.

– Франц, – продолжал он, – мой человек, старый слуга, которого я оставил присматривать за моим домом в Берлине на время моего отсутствия. Как вы видите, он очень охотно информирует меня про актуальные темы. Поэтому я независим от ежедневных газет в отношении вестей из дома.

"Gitte nacht" прозвучало из телефона, и на него ответил барон, который сообщил нам, что Франц уже ложиться спать.

На несколько мгновений последовала пауза, в течение которой С., казалось, был погружен в глубокую задумчивость. Наконец он заговорил с большой серьезностью и сказал:

– Герр барон, этот эксперимент столь же удивителен, сколь и необъясним. Как бы мне ни хотелось проникнуть в его природу, я не решаюсь настаивать на этом предмете, поскольку вполне естественно, что вы можете пожелать сохранить в тайне столь важное открытие.

– Вовсе нет, – сказал барон. – Единственное условие, которое я ставлю, – это то, что вы ничего не скажете об этом во время моего пребывания в Калифорнии. Вы совершенно свободны осмотреть устройство, за исключением внутренней части корпуса, который я не смогу ловко разобрать. С этим также связаны некоторые детали, которые вы должны извинить меня за то, что я оставляю за собой право раскрыть надлежащим образом и в надлежащее время. Однако я буду рад объяснить вам принцип работы в целом, если у вас будет время выслушать то, что я говорю.

Мы заверили его, что это было нашим особенным желанием узнать больше, и барон, попросив нас сесть, в то же время удобно устроившись в кресле и неторопливо скрестив ноги с видом человека, который собирается приступить к продолжительному рассказу, поведал следующее:

– Следует ли искать происхождение электричества в проницаемости космического эфира и как постоянной сущности Вселенной, или же оно производится в результате какого-то процесса трения, постоянно происходящего между нашей планетой и солнцем – другими словами, имеет ли оно независимое существование вне других сил или является просто одним из условий движения – может быть определено только будущими наблюдениями и экспериментами. Однако мы знаем, что физические возмущения в солнечной фотосфере вызывают симпатическое действие в нашем мире и сопровождаются заметными магнитными эффектами. Солнце по отношению к сопутствующим ему планетам занимает такое же положение, как сердце по отношению к остальным органам в строении животной жизни. Солнечные пульсации вибрируют до самых отдаленных границ планетной системы и, возможно, за ее пределами, давая жизнь или неся смерть. Наша планета, это огромный инструмент – индикатор, телефон, который вибрирует в такт каждой прихоти своего чудовищного собеседника. Световые волны

преодолевают расстояние в девяносто миллионов миль за восемь минут, электричество преодолевает этот промежуток менее чем за такое же количество секунд. Однако, используя географическую милю в качестве стандарта для космических измерений, мы склонны получать ошибочные представления о скорости по отношению к пространству: ведь даже электричество – это спокойная, уравновешенная и вдумчивая сила, если измерять ее в масштабе таких огромных расстояний, как диаметры планет и их орбиты. Теперь, рассматривая наш мир в его огромной массе как не что иное, как огромный магнит, если бы он имел прямую связь с солнцем – другими словами, если бы электрический ток мог беспрепятственно проходить от Солнца к Земле – жизнь была бы если не невозможной, то, по крайней мере, настолько ненадежной, что сделало бы ее невыносимой. Целые континенты могут быть уничтожены с такой же легкостью, как ствол дерева; вместо этих морских явлений в виде перевернутых вихрей, называемых водяными смерчами, целый океан мог бы быть полностью засосан с поверхности планеты, чтобы снова случайно выпасть в осадок в любой точке. Такова гигантская сила элемента или состояния, о котором мы почти ничего не знаем, по сравнению с нами самими и нашими ничтожными потугами! Показательный пример силы электричества произошел некоторое время назад, когда изумленный свидетель наблюдал, как железный мост, перекинутый через Миссури, вертикально поднялся в воздух на высоту нескольких сотен футов во время ужасающей грозы, а затем упал обратно в реку. Эта история, естественно, была дискредитирована до тех пор, пока инженер, построивший мост, не представил доказательства того, что, поскольку ни вертикальные стойки, ни гнезда, в которые они были вставлены, не были сломаны, ничто, кроме вертикального подъема, не могло объяснить их разъединение в неповрежденном состоянии. К счастью, мудрый Разум, который дал законы материи, предусмотрел возможность возникновения подобных потерь, защитив тело планеты оболочкой, которая, хотя и совершенно прозрачна и неощутима ни для одного из наших обычных органов чувств, все же так же прочна, как массивный щит для греческого гоплита или римского легионера, и который представляет собой непроницаемый барьер для резких ударов, которые в противном случае сотрясли бы планету в ужасных катаклизмах при каждом внезапном изменении солнечных условий. Эта электрическая диафрагма простирается (насколько я пока смог вычислить ее элементы) от внешней границы нашей атмосферы примерно на две мили от поверхности Земли, но, будучи электрической, она расширяется и сжимается значительно за пределами или в границах этих пределов в соответствии с солнечными или планетарными условиями на принципах, не отличающийся от принципа работы зрачка глаза. В тропических регионах она приближается ближе и имеет большую толщину, к полюсам она отступает дальше и чрезвычайно разрежена. Чем ближе он приближается к Земле, тем более интенсивными становятся электрические обмены между диафрагмой и планетой – указанные обмены основаны на тех же законах равновесия, которые действуют в обычном коммерческом бизнесе. Если земля при определенных условиях получит от диафрагмы больше электричества, чем она впоследствии сочтет необходимым, избыток не преминет быть возвращен в должное время, и наоборот. Промежуточное пространство между этими внутренним и внешним электрическими резервуарами является вертикальным, и, будучи неблагоприятным для удержания электричества, жидкость притягивается в ту или иную сторону. Диафрагма обычно содержит большее количество электричества, поскольку она может использовать бесконечные ресурсы эфира, но то, что баланс обмена иногда оказывается в пользу планеты, проявляется в случае тех гроз, когда наблюдается, что молния стреляет вверх от земли в небо.

– Но именно на другое свойство диафрагмы я хочу сейчас обратить ваше внимание, и с которым нам особенно приходится иметь дело, а именно на ее восприимчивость (если я могу использовать этот термин) к посторонним магнитным воздействиям. Малейшая и тончайшая магнитная вибрация, воздействующая на любую часть её тела, мгновенно передается всему телу. И не только это, но и бесконечное число вибраций может передаваться одновре-

менно; и каждое из таких вибраций является отдельной и отчетливой, и они не мешают друг другу. Используя сравнение, когда камень бросают в центр спокойного озера, круговая линия волны, которая расширяется от места удара, может быть отчетливо прослежена на некотором расстоянии и наша неспособность проследить ее до самых дальних берегов является просто обстоятельством грубости нашего визуального восприятия. Чрезвычайная медлительность такой пульсации, как эта, и сопротивление такой тяжелой среды, как вода, делают практически невозможным проследить ее на сколь-либо большом расстоянии ни в пространстве, ни во времени. Но в пульсациях электрической диафрагмы дело обстоит иначе. Электрическая жидкость настолько разрежена, что пульсация, возникающая в любой ее части, синхронно распространяется по всему телу. Итак, если я захочу поговорить с кем-либо в любой части этого земного шара, все, что необходимо, – это установить связь с таким человеком через посредство магнитного пояса. Чтобы сделать это, мы оба должны быть связаны с ним. Мою связь вы видите вон там, в углу. Эта шелковистая линия, проходящая через потолок, является началом того шнура, который привлек ваше внимание сегодня. Он связан очень прочной платиновой проволокой, металл которой я выбрал из-за его пластичности и проводящих свойств. Цилиндрический барабан, который вы видите под таблицей, имеет три фута в длину и шесть дюймов в диаметре и вмещает двадцать тысяч футов – почти четыре мили – шелкового шнура, длины более чем достаточной, чтобы проникнуть через диафрагму даже в самых высоких широтах. К концу лески прикреплен маленький шелковый шарик шести футов в диаметре, надутый водородом и покрытый каучуковым лаком, который делает его водонепроницаемым и служит для подачи проволоки в область диафрагмы и удержания ее там столько, сколько требуется. Этот крошечный двигатель, который вы видите с рукояткой, прикрепленной к шкиву барабана, опускает воздушный шар и наматывает мою леску менее чем за полчаса. Похожий воздушный шарик и леска запущены к диафрагме из моего дома в Берлине. К концам обоих прикреплены телефоны. Любой телеграфный прибор служил бы одинаково хорошо, но телефон – самый простой, удобный и мой любимый по преимуществу. Вы были свидетелями действия моего метода, и теперь я спрашиваю вас, – поворачиваясь к С. и добродушно подтрунивая над ним, – выполнили ли я свое обещание рационально объяснить свой эксперимент, или я должен довольствоваться репутацией дилетанта в средневековой магии?

– Поскольку вы бросаете вызов, герр барон, – возразил С., решив не быть застигнутым врасплох, – Я, с вашего разрешения, задам несколько вопросов и выдвину несколько возражений, которые кажутся мне уместными, если вы готовы на них ответить.

– Конечно! – засмеялся барон.

– Вы сами признаете, что в настоящее время у вас есть монополия на эту телеграфную систему, другими словами, нет других действующих линий, кроме ваших соединений здесь и в Берлине. Предположим, однако, что существует сотня или один дом и воздушный шар, подключенный к этой диафрагме и передающий одновременные сигналы через эфир, как могло бы быть возможно, чтобы ваш телефон принимал только сообщение Франца, исключая тысячи других сообщений, которые вибрируют во всех направлениях одновременно? Простите меня за то, что я вообразил, что сводящий с ума диссонанс Рэбеля будет выгодно отличаться от звуков из вашего телефона. – и С. откинулся на спинку стула с видом человека, который добился успеха.

– Вы совершенно правы, – возразил барон, – они, несомненно, сделали бы это, если бы все используемые приборы были одинакового типа. Вы, наверное, помните, что я говорил об открытии Эдисоном принципа, используемого в дуплексной системе. Без открытия этого свойства электричества мои эксперименты никогда бы не были проведены. Однако я должен отдать себе должное за расширение и развитие принципа, разработанного Эдисоном. В моей системе этот телефон воспринимает только вибрации, исходящие от другого телефона, электрически настроенного на ту же частоту. Те три винта, которые вы видите через равные про-

межутки времени на боковой стороне коробки, соединены со стрелками, которые указывают градусы на окружающих их циферблатных пластинах. Возможные комбинации этих трех стрелок на их соответствующих циферблатах, изменяющие их на один градус за раз, представлены 360х360х360 вариантами, или 46 656 000 – более сорока шести миллионов одновременных сообщений могут быть переданы через эфир без вмешательства одного в другое. Такое сообщение, действительно, доходит до каждого телефона, но вибрации – все из которых регистрируются на первой стадии приема – могут быть устранены при их прохождении через вторую или третью стадии. Чтобы связаться с любым человеком, имеющим связь с диафрагмой, вам нужно просто подключить свой телефон к его комбинации.

– Предположим, – сказал С, – более чем одна пара остановилась на одной и той же комбинации?

– Вы, конечно, будете получать, – ответил барон, – сообщения, не предназначенные для ваших ушей, но поскольку вы окажетесь в таком же затруднительном положении, публикуя свои личные дела, я полагаю, что очень небольшого опыта будет достаточно, чтобы заставить вас изменить свою комбинацию. Оскорбления в какой-то степени неизбежны, но новизна скоро пройдет; и, кроме того, осознание того, что вы, возможно, выступаете перед большой аудиторией, заставит вас быть более осторожными в своих словах – уже само по себе значительная рекомендация, – продолжил он подмигнув.

– Не будет ли диафрагма более чувствительной к магнитным возмущениям, чем провода нашей обычной системы? А они, как вам хорошо известно, часто выводятся из строя из-за грозы.

– Раскат грома по телефону – это просто сообщение, и он может быть воспроизведен только прибором, настроенным на громовой раскат, чего вы никогда не сделаете.

– Еще один вопрос, – сказал С, – не повлечет ли значительное количество таких соединений за собой опасность, привлекая электричество в форме молнии?

– Напротив, – возразил барон, – чем больше связей существует между землей и диафрагмой, тем более сбалансированной и постоянной будет регулировка их магнитных балансов.

– Однако, – настаивал С., – это дорогая система. В любом случае ей смогут пользоваться только состоятельные люди.

– Ни в коем случае, – возразил барон. – Единственными индивидуальными расходами были бы телефонные. Одного общественного провода, подключенного к диафрагме, было бы достаточно для небольшого городка. Было бы достаточно даже одного телефона, находящегося в ведении оператора, которому вы просто назвали бы свою комбинацию и который отправил бы ваше сообщение так же, как вы отправили бы письмо по почте.

– Я признаю, что вы ответили на мои возражения, барон, так же быстро, как я их выдвигал. Могу я спросить, каким образом вы пришли к мысли о существовании такого удивительного явления, как электрическая диафрагма, – если только у вас нет какой-либо личной причины скрывать это?

– Ни в коем разе, – откровенно ответил барон. – Но поскольку история слишком длинная, чтобы рассказывать ее вам прямо сейчас, не могли бы вы оказать мне услугу и прийти на ранний ужин в следующее воскресенье? Это была чистейшая случайность, и я не ставлю себе это в заслугу. Это было довольно романтично – произошло буквально прошлым летом в Тироле. Это был счастливый случай, который принес мне пользу в двух отношениях – потому что благодаря ему я не только сделал открытие, но и завоевал жену. Приходите в воскресенье, и я познакомлю вас с одним и расскажу вам о другом.

1879 год

НОВАЯ АЛХИМИЯ

Исповедь о загадочной смерти Уильяма Хансдеккера.

Читатели газет, возможно, помнят, как в одной из утренних газет Сан-Франциско во второй половине прошлого года прочли следующую статью, относящуюся к инциденту, который, вероятно, потерял часть своей значимости из-за того, что произошел в ту неделю, необычайно богатую на самоубийства и кровопролития, и которая не заинтересовала общественность в целом, из-за того, что мало что было известно о субъекте, который, очевидно, был незнакомцем в городе:

"Смерть от взрыва.

Вчера вечером, около половины одиннадцатого, жители Бродвея в районе Стоктон-стрит были напуганы громким взрывом, похожим на взрыв боеприпаса, раздавшимся из подвала здания, в котором недавно располагалась китайская прачечная, хотя, по всей видимости, в настоящее время он не занят. Офицеры Бивен и МакЭлвейни быстро прибыли на место и, распахнув двери, обнаружили тело мужчины, распростертого на полу среди обломков битого стекла и металла, которые валялись повсюду. Небольшой переносной двигатель Бакстера работал во всю мощь, когда вошли офицеры, хотя все механизмы, которые были прикреплены к шкиву, были разрушены, а шкив и коленчатый вал заклинило. Офицер Бивен перекрыл пар. Осмотр тела показал обесцвечивание, но никаких следов смерти от внешних повреждений. Фрагменты кварца с высоким содержанием свободного золота, которые офицеры подобрали среди обломков, указывают на то, что несчастный экспериментировал с каким-то новым процессом обогащения руд, и эта версия становится более правдоподобным из-за секретности, с которой он, очевидно, проводил свои эксперименты. Причину взрыва выяснить не удалось. При нем были найдены записные книжки, бумаги и письма, последние были адресованы "мистеру У. Хансдеккеру, Сан-Франциско" и, очевидно, были написаны кем-то с востока. Эти и другие его вещи, найденные в этом месте, были взяты под охрану офицерами. Циферблат часов был найден в кармане для часов мертвого мужчины, который лежал на левом боку, когда его обнаружили, а прожженное отверстие избородило его одежду и закончилось маленьким шарообразным куском сплава, прочно впечатанным в настил пола у его бока. Никаких объяснений этому необычному обстоятельству не было предложено теми, кто собрался на месте происшествия".

На следующее утро появился следующий абзац:

"Дознание коронера.

Вчера было проведено дознание над телом мужчины, погибшего в результате взрыва в подвале на Бродвее позавчера вечером. Присяжные установили, что покойным был Уильям Хансдеккер, уроженец штата Пенсильвания, и что он умер от взрыва машины, с которой работал; причина и характер взрыва неизвестны".

Я не знаю, имею ли я право обнародовать факты, о которых говорится в вышеприведенных пунктах. Меня охватывают столько противоречивых эмоций из-за того, что, возможно, я поступаю неправильно. Я даже опасался давать советы по этому вопросу, болезненно боясь, что в таком важном деле даже самый искренний совет может оказаться не таким бескорыстным, как мне хотелось бы. Противоречивые эмоции, о которых я упоминаю, были, во-первых, тягостным чувством, что я являюсь хранителем тайны, в которой я был слишком робок признаться в то время, и могу сделать это только сейчас, будучи уверенным, что служители закона не имеют права заставить меня назвать свое имя; и, во-вторых, осознание того, что при изложении фактов я обязательно затрону вопросы, которые привлекут внимание и вызовут пристальный взгляд ученых, которые смогут сообщить детали, отсутствующие в моем изложении, и тем самым дать подсказку предприимчивым физикам, чтобы они применили на практике описанные мной опыты, тем самым подвергнув общество той же опасности, которой оно под-

верглось в результате экспериментов, описанных выше. Если бы я опубликовал эти факты, я мог бы поставить под угрозу интересы горнодобывающей промышленности Калифорнии; если бы я сохранил их в тайне, я должен был бы нести невыносимое умственное напряжение. То, что я выбрал первый путь, я считаю, объясняется исключительно эгоизмом, присущим человеческой природе, и поэтому я должен бросить себя на милость своих товарищей. Поскольку в то же время я должен признаться в некоторой слабости и косности морального характера, это послужит доказательством того, что если я недостаточно заботился о других, то, по крайней мере, не щадил и себя.

– Друг мой, вы писатель?

– Иногда я действительно немного пишу.

– И у вас есть возможность опубликовать то, что я собираюсь вам рассказать?

– Думаю, да, если в этом нет ничего предосудительного.

– Предосудительного! Мой дорогой сэр, что угодно, только не это. Это очень важно.

Это представляет жизненный интерес не только для этого сообщества, но и для всего мира в целом. Это затрагивает величайшие интересы современности. Это имеет дело с проблемой, которая озадачила изобретательность финансистов, государственную мудрость лучших министров, проницательность политических экономистов всех стран. Это уходит корнями в ту же почву, что и наши самые сильные страсти и желания. Откровение, которое я собираюсь сделать, потрясет и ужаснет весь мир.

Тут он сделал долгий и глубокий глоток пива из стоявшего у его локтя бокала.

Этот диалог произошел в одной из популярных пивных Сан-Франциско – одном из тех мест, где собираются люди всех сословий и профессий: художники, писатели, актеры, люди досуга, деловые люди, а пролетарии, впрочем, и другой плебс, не заходили туда по чисто материальным соображениям. По сути, это было квазиподтверждением и *prima facie*⁵, доказательством респектабельности, чтобы находиться там вообще. Это подразумевало, что человек, если он пьет пиво, принимает во внимание обстоятельства его употребления, равно как и обстоятельства самого употребления. Доброжелательность была правилом, а излишества – исключением. Поэтому я критически посмотрел на своего собеседника и попытался составить о нем мнение во время паузы в нашем разговоре – разговоре, который начался за несколько минут до этого с обычного замечания и внезапно перерос в вышеизложенные поразительные наблюдения.

Это был мужчина лет сорока пяти, высокий, довольно худой, с сутулыми плечами, волосы длинные и черные, нос аквилинный⁶, цвет лица бледный, борода длинная и прямая – черная, как и его волосы, глаза яркие и пронзительные. Его внешний вид производил впечатление человека с хорошими способностями и образованием, и довольно хорошего воспитания, но такого, которому фортуна не улыбалась своими приветливыми улыбками. Об этом я судил отчасти по его одежде, которая, хотя и была опрятной, не была ни изысканной, ни новой, ее сильной стороной было черное пальто почти канцелярских размеров и хорошо поношенная шелковая шляпа образца брокера; отчасти также по твердости линий его лица, сосредоточенному выражению глаз и твердости плотно сомкнутых, почти бескровных губ.

Он был достойным представителем достаточно распространенного в Сан-Франциско типа – типа, сохраняющего сквозь бесконечные фазы калейдоскопического разнообразия безошибочное родовое сходство, порожденное тем многообразным калифорнийским опытом, который делает обитателя свежего, пылкого, вулканического штата, подобного этому, настолько же превосходящим в интеллектуальных способностях и энергии представителей

⁵ Латинское выражение, означающее с "первого взгляда" или "основанное на первом впечатлении".

⁶ Римский нос. Слово аквилин происходит от латинского слова *aquilinus* – орлиноподобный.

любого другого сообщества, будь то американское или европейское, а были как и те упрямые путешественники, которые "трудился, и творил, и сражался" с Улиссом, решительные духом, которые "всегда с весельем принимали шторм и солнце"⁷. Он превосходил всех, с кем им приходилось сталкиваться, – кроткоглазых, меланхоличных пожирателей лотосов или грузных, туповатых циклопов.

Мысленно отметив это, я не стал записывать его ни в пьяницы, ни в сумасшедшие, как мог бы и, естественно, сделал бы при менее полном знакомстве с калифорнийской природой, а решил послушать, что он скажет.

– Вы слышали, друг мой, – продолжал он, – о древних алхимиках?

Я зевнул и кивнул.

– Каково ваше мнение о них? – спросил он.

Я сказал ему, что считаю алхимиков средневековья людьми с острым умом и хватким интеллектом, которым помогали лишь тусклые лучи зарождающейся науки, они боролись с проблемами, которые, как показало бы хорошее научное образование, не имели под собой никакой основы, детьми, которые слепо хватались за луну, путешественники, которые при тусклом свете обнаруживали странных гоблинов и призраков леса, которые при полном свете дня превращались в ничто иное, как в искривленные стволы обычных деревьев, люди, чье воображение не было подкреплено опытом, разведчики, чей дух был полон перспективами и возможностями их первого путешествия в неизвестную землю.

– Но, – сказал он, – что бы вы ответили, если бы я сказал вам, что мечта алхимика стала за последние несколько недель свершившимся фактом?

– Я бы сказал, – ответил я, – что вы либо сумасшедший, либо дурак, либо плут, либо, возможно, если отдать вам должное, энтузиаст.

Он ничуть не обиделся, но ответил необыкновенно уверенной и многозначительной улыбкой.

– На чем основаны ваши убеждения? – спросил он.

– На тщательно проведенном химическом анализе, на авторитете лучших металлургов, геологов и физиков эпохи, на неизменном опыте прошлого, на неизменной неспособности самих алхимиков обосновать свои заявления об успехе, когда их подвергали испытанию, наконец, на нехватку самого золота – возможно, лучшее доказательство из всех, ибо если бы метод его производства был открыт, кто может сомневаться, что мир уже был бы наводнен этим сравнительно бесполезным металлом, и что скупость, породившая его, была бы неумолимо отомщена его перепроизводством.

– Ваши аргументы, – ответил он с улыбкой, – хороши лишь в той мере, в какой они хороши, но достаточно ли далеко они заходят? Утверждать, что вещь не может быть сделана, потому что она еще не была сделана, и противоречит нашей оценке точных наук в настоящее время, значит признать невозможность новых комбинаций в различных отделах открытий и претендовать на глубокое научное знакомство со всеми законами природы, в обоих случаях я уверен, что человек с вашим, очевидно, здравым рассудком дважды подумает, прежде чем принять их. Вы находитесь в некотором роде в состоянии короля Сиама, чья вера в догматы определенного миссионера была сильно поколеблена утверждением этого миссионера о существовании страны под названием Голландия, где лошади ходят по воде. Тем не менее, вы не более виновны, чем этот варварский король, который никогда не видел льда и не имел его описания, и поэтому не может быть осужден за то, что было просто его невежеством.

⁷ цитаты из стихотворения "Улисс" Альфреда Теннисона. Дерзать, искать, найти и не сдаваться! Одна из строк этого стихотворения была девизом героя известного романа Вениамина Каверина "Два капитана": Бороться и искать, найти и не сдаваться.

Я скривился от упрёка и сделал лучшее, что мог сделать в сложившихся обстоятельствах – выиграл время, сделав заказ официанту в белом фартуке, который ответил со своей обычной готовностью.

– Но, – сказал я, – если предположить, что можно производить золото на заказ в любых желаемых количествах, вы когда-нибудь задумывались о том, какой катастрофический эффект это произведет на человечество в целом? Представляли ли вы себе финансовое землетрясение, которое потрясло бы внутренности торговли до самого ее основания? Мертвый груз, который заставил бы равновесие обменного баланса рухнуть среди воплей и анафем цивилизованного мира? Неудачи торгов, ужас капиталистов, полное недоумение тех бесчисленных единиц, из которых состоит страна – людей с небольшими средствами? Я считаю, сэр, что человек, обладающий властью сделать это, был бы преступником – преступником, если хотите, в том смысле, в каком Наполеон был преступником, в том смысле, что он ниспроверг бы существующие условия общества и принес бы разорение тысячам, даже миллионам, и как преступник, он должен быть безжалостно свергнут и уничтожен.

Я, из-за волнения, несколько вышел из себя, произнося тираду, но был сразу же возвращен в себя моим странным собеседником, который протянул руку через стол, горячо схватил мою и воскликнул:

– Это мои собственные чувства. Вы правы, этого нельзя допустить. Я рад, что встретил нужного человека, я уверен, что вы мне поможете.

– В чем? – спросил я.

– В победе над махинациями группы лиц, которая в настоящее время занимается изготовлением золота, в спасении мира от огромного кризиса, который вот-вот разразится.

Я пристально посмотрел на своего собеседника, чтобы увидеть, могу ли я обнаружить какие-либо признаки сумасшествия в его взгляде или манере поведения. Мне это не удалось, так как он выглядел совершенно спокойным и полным самообладания и пил свое пиво с явным наслаждением – как здравомыслящий человек. Он не был похож на сумасшедшего, его речь точно не была языком дурака. Может ли он быть мошенником? Я решил подождать развития событий, а потом решить.

– Сэр, – сказал я, – я не понимаю, как я могу вам помочь, даже если бы у меня было желание. Я не человек со средствами, и мое время, хотя оно, конечно, принадлежит мне, должно быть использовано привычным образом и для моих обычных целей. Боюсь, что в таком деле я буду плохим помощником.

– Вы ошибаетесь, – сказал он, – то, в чем мне нужна ваша помощь, принесет вам реальную пользу. Вы ведь писатель, не так ли? Так вот, у вас должно быть что-то, о чем можно писать, и я готов вам это предоставить.

Я был вынужден признать, что это был разумный аргумент, обладающий определенным весом.

– Не возражаете ли вы, – сказал я, – раз уж вы предлагаете мне такое соглашение, познакомить меня с вашим именем и родом занятий?

– Меня зовут, – сказал он, – Филипп Холл. Я приехал из штата Нью-Йорк и по профессии инженер-строитель. Я провел много лет на этом побережье, и последние три года экспериментировал с другой группой в истинном методе добычи золота.

– Значит, вы действительно верите в возможность трансмутации металлов?

– Простите меня. Но я ничего не говорил о трансмутации металлов. Я не верю ни во что столь глупое – по крайней мере, при нашем нынешнем слабом владении силами природы.

– Что! – воскликнул я и мой разум вернулся к первоначальной идее сумасшествия. – Вы не верите в трансмутацию металлов, и все же уверяете меня, что можете сделать золото! Ах! Я вижу, что вы все это время шутили.

– Нет, – сказал он серьезно и очень нарочито подчеркнутым тоном, – я не шутил. Я повторяю, что я ничего не говорил о трансмутации металлов, и я не говорил, что могу сделать золото.

– Пожалуйста, объяснитесь, – сказал я.

– Факты таковы, – ответил он, – нет никаких сомнений в том, что золото может быть получено естественным путем без преобразования или трансмутации других металлов. Результат этого процесса я наблюдал своими глазами, однако он был осуществлен не мной, а той стороной, чьим замыслам я хочу помешать.

– Я так понимаю, вы хотите сказать, что он был вашим партнером?

– Так и есть.

– Как же так получается, что если вы действительно сделали важное открытие, о котором вы говорите, разве вы не должны приложить все усилия, чтобы сохранить его в тайне и наслаждаться его плодами? Так поступило бы большинство людей. Мне кажется, что вы поступаете так, что мир назвал бы очень глупым, раскрывая эту тему вообще – если, конечно, вы не просто человек науки, работающий только ради науки, а не ради себя, а вы, простите меня за откровенность, таковым не являетесь; или филантроп, работающий на благо своих собратьев и решительно настроенный на то, чтобы у всех было достаточно золота, чтобы гарантировать, что они не будут больше работать до конца своих дней. В таком случае я прощаюсь и имею честь пожелать вам доброго вечера, – и я встал и, взяв шляпу, приготовился уходить.

– Остановитесь, – сказал мой спутник, – подождите несколько минут, и я все объясню.

Какая-то серьезность в его взгляде, какая-то внушительность жеста вернули меня в сидячее положение, и он продолжил.

– Я признаю, что это кажется странным – расстаться с таким огромным секретом. Я признаю, что это более чем странно – это кажется невероятно глупым. Я признаю, что публикация этой тайны погубит интересы горнодобывающей промышленности этого побережья и на время парализует промышленность и торговлю всего мира. Есть только одна причина, которая может побудить меня к столь странному решению, но, когда я назову ее, вы поймете ее силу.

– Назовите ее, – сказал я.

– Мечь! – крикнул он, обрушивая свой сжатый кулак на стол с энергией, которая заставила все стаканы на столах в пределах обширной территории подпрыгнуть и зазвенеть, и внезапно остановила трех официантов в их беспрерывном движении.

Я пристально посмотрел на него и сказал:

– Продолжайте.

– Тот, кого я назвал своим партнером, предал доверие, которое я ему оказал, или, если говорить точнее, не сообщил мне то, что должен был сообщить. В течение трех лет мы экспериментировали вместе. Я дал ему возможность воспользоваться моим теоретическим и механическим опытом. Я планировал и конструировал орудия, которые мы использовали. Я предоставил умение и мозги, он – деньги. По одной из тех счастливых случайностей, которые часто открывают принципы или естественные комбинации, ошибочно называемые изобретениями, однажды он наткнулся на последний шаг процесса, который мы вместе старались довести до совершенства. Я случайно отсутствовал в это время в нашей мастерской и когда я вернулся, я увидел результат. Я увидел улыбку триумфа, озарившую его лицо, но я также увидел дьявольскую и сардоническую ухмылку злобы, скрывавшуюся под ней. Я сразу же потребовал от него объяснить суть этого процесса и повторить его в моем присутствии. Он просто стоял со сложенными руками и улыбался. Я призвал его к мужественности, к его представлениям о справедливости и добросовестности, чтобы он не позорил себя, поступая так подло по отношению к тому, кто столько лет работал рядом с ним. Я видел по его суровому, непримиримому лицу и твердой решимости в его глазах, что жадность и эгоизм за несколько коротких мгновений изменили всю суть этого человека, или, возможно, правильнее сказать, развили в его харак-

тере черты, которые всегда были скрыты в нем и лишь требовали обстоятельств и случая для их проявления. В ответ он сказал, что последний шаг в процессе был его открытием, а не совместным, что я не могу претендовать на него ни по закону, ни по справедливости, и взял кусок кварца, который, когда я вышел из комнаты несколько часов назад, был девственно белым и чистым; он с триумфом указал на крупные вкрапления чистого золота, которым он был испещрен, и сказал мне, что если я могу его изготовить, то должен пойти и сделать это. Мой гнев разгорелся. Я бы бросился на него, если бы осмелился, но он был физически гораздо сильнее меня, и я хорошо знал, чем закончится такой конфликт. Он тоже это знал и улыбался с еще более невозмутимым хладнокровием. Если бы у меня было хоть какое-нибудь оружие, я бы, возможно, воспользовался им, но я знал, что применение силы не принесет ничего хорошего, и что мои истинные цели будут исковерканы любым таким действием – ведь я никогда не позволяю даже гневу поколебать мой разум. Тогда я сказал ему, что, прежде чем он будет пользоваться преимуществами открытия, я опубликую все факты всему миру и только он подтолкнул меня к этому. Он сказал мне, что вначале меня сочтут лишь дураком или сумасшедшим, а когда я не добьюсь никакого результата, что, несомненно и произойдет, я только усугублю впечатление, которое произвел вначале. Я закричал в бессильной ярости, что буду продолжать эксперименты один. Он рассмеялся низким, довольным смехом и сообщил, что у меня больше нет его денег. В порыве страсти я воздел руки к небу и поклялся, что осуществлю свою месть, даже если на это уйдут годы, и, потрясая кулаком перед его лицом, покинул это место. Вечером я вернулся, готовый выполнить часть своей программы. Он был слишком быстр и, разгадав мои намерения, убрал всю свою аппаратуру, и не осталось ни следа, ни знака. Сбитый с толку, я несколько дней наводил справки не появлялись ли в окрестности грузовые фургоны, так как знал, что несколько из них он должен был задействовать для столь быстрого перемещения аппаратуры, но он либо подкупил их, чтобы они молчали, либо привлек их из какого-то отдаленного пункта. До вчерашнего дня я не мог получить никакой подсказки. Вчера, когда я с любопытством бродил по улицам, пытаясь по каким-нибудь признакам обнаружить присутствие того, что я искал, мои уши уловили звук из подвала здания на Бродвее возле Стоктона, которое когда-то было занято под китайскую прачечную, (но, судя по всему, которая теперь не работает), который заставил мое сердце подпрыгнуть от радости; это был низкий, ритмичный, приглушенный стук паровой машины, и как жена узнает шаги своего мужа ночью в квартале от дома, так и я узнал стук этой паровой машины – разве я не жил и не работал с ней в течение трех лет? Я остановился, и как только я замер, звук прекратился. Мог ли я ошибиться? Я внимательно посмотрел на подвал, но только на мгновение, и продолжил свою прогулку в расслабленной манере. Если остановка двигателя, рассуждал я, была следствием моей остановки на улице, то за мной наблюдали изнутри, и выдать своими действиями знание этого факта означало бы просто потревожить бдительность другой стороны и отдалить ту самую цель, которую я стремился достичь. То, что подвал на такой людной улице, как эта, оказался незанятым, само по себе было подозрительно. Двери и окна были надежно заколочены досками и заперты засовами. Ничто не указывало на присутствие жизни или деятельности внутри. То, что мой старый партнер выбрал для своей мастерской такое публичное место, не показалось мне странным. Я знал, что у него достаточно ума, чтобы понять, что аксиома о том, что человек никогда не бывает так одинок, как в густонаселенных городах, имеет широкое применение, а поскольку в этом районе живут почти одни южные европейцы, я знал, что деятельность, которая в другом месте привлекла бы внимание, здесь останется незамеченной.

– Когда над городом сгустились сумерки, и я успокоил себя тем, что не стал объектом слежки, я снова подошел к этому месту, но уже с противоположной стороны улицы. Я вошел в небольшой салун или бакалейную лавку, откуда мог наблюдать за обстановкой, и около семи часов заметил, как из узкого переулочка со стороны дома, за которым я наблюдал, появилась фигура человека, скрытая плащом и шляпой, так что его невозможно было узнать ни по

фигуре, ни по чертам лица. Но я сразу узнал его по походке – это был он, это был Хандеккер! Он настороженно огляделся вокруг, а затем медленно пошел в сторону Дюпона. Я последовал за ним незаметно и на расстоянии, увидел, как он вошел во французский ресторан на некотором расстоянии вниз по улице, и, увидев его сидящим за ужином через дверь, когда я проходил по другой стороне улицы, я понял, что у меня в запасе по крайней мере четверть часа для скрытного наблюдения, и поэтому вернулся так быстро, как только мог, к дому, за которым я наблюдал. В магазине, расположенном выше по улице, работал итальянский торговец хламом, который был необщителен и делал вид, что не понимает, когда его спрашивали о подвале. Я поднялся по переулку сбоку от дома к задней части и увидел дверь, сообщающуюся с подвалом. Я вычислил свою жертву; следующим моим шагом было найти средства, чтобы осуществить задуманное – а именно, незаметно наблюдать за его действиями. Дом был каркасный, и я сразу понял, что, проделав шнеком отверстие от аллеи в диагональном направлении через боковую часть дома, я смогу получить сносный обзор того, что происходит в подвале. Но поскольку я не был уверен, с какого места лучше всего будет виден аппарат, я решил, что сначала нужно проделать пробное отверстие, чтобы точно сориентироваться. Я боялся возвращения Хандеккера, так зовут моего старого партнера, и поэтому отступил, решив вернуться сегодня вечером со всем необходимым для моих исследований. Это я и сделал, пока он отсутствовал ужиная в тот же час, и за время его отсутствия мне удалось не только просверлить отверстие, но и два других отверстия возле аппаратом. По огромной глыбе кварца, лежавшей на столе и в непосредственной близости от отверстия, я понял, что он намеревался применить свое открытие этим вечером в более амбициозных масштабах, чем ранее. И, под предлогом покупки чего-то ненужного мне у итальянского торговца хламом, который почти живет в магазине, этот человек неохотно признался, когда убедился, что я знаю о существовании двигателя в подвале, что, по его мнению, машинист, которому он принадлежит, зарабатывает на жизнь ночной работой, поскольку он обычно слышал, как он работает между одиннадцатью и двенадцатью. Сегодня в одиннадцать вечера я собираюсь быть в этом доме и выяснить путем фактического наблюдения природу последнего этапа процесса, который он использует – то есть, если я смогу сделать это путем простого осмотра, в чем я ни в коем случае не уверен, поскольку склоняюсь к мысли, что он использует что-то, что может потребовать анализа для определения его природы, и если это так, поскольку я твердо решил докопаться до сути дела, я должен использовать другие средства. Я в отчаянии. Мне не для чего жить сейчас, кроме как для того, чтобы узнать это. Я уже немолод. Неужели жадность этого негодяя, этого мерзавца, этого низкого, беспринципного негодяя помешает мне получить желаемые знания? Сэр, я твердо решил скорее умереть, но добиться своего. Может статься, что я потерплю неудачу в своих попытках. Может статься, что мой противник, хитрый, как Люцифер, окажется более чем сильным противником для меня, если случится худшее, и поэтому я решил отправиться в сопровождении кого-нибудь, связанного с прессой, кто сможет помешать осуществлению замыслов этого негодяя, если со мной произойдет какой-нибудь несчастный случай, опубликовав все подробности и сообщив их всему миру. У вас, господ журналистов, обычно хватает ума оценить все, что происходит, и, как правило, вы достаточно научно подкованы, чтобы понять это. Вы или кто-то из вашей профессии – единственные люди в мире, кому я мог бы доверить подобное дело, поскольку необходимые знания, такт, любовь к приключениям и смелость, чтобы пойти на них, есть только у вас. Вы пойдете со мной?

И он закончил свою речь, усевшись в кресло прямо передо мной и пристально и серьезно глядя мне в лицо.

Признаюсь, его история заинтересовала меня. Я почувствовал к нему симпатию, и последний деликатный комплимент перевесил чашу весов. Я сказал ему, что пойду и буду выступать в качестве зрителя, но никак иначе. Я сказал ему, что до тех пор, пока не будет попыток взлома дома или нарушения мира, я буду сохранять нейтралитет, но если будет хотя

бы намека на насилие или другие незаконные действия, я немедленно прослежу, чтобы об этом были уведомлены соответствующие власти.

– Если бы я захотел привлечь к этому делу полицию, – продолжал мой спутник, – я, конечно, мог бы это сделать, но как я смог бы объяснить малообразованным людям природу моего расстройства и цель моей мести? Это будет воспринято, что я действую незаконно, и я прекрасно знаю об этом. У меня нет и тени доказательств для обвинения против Хансдеккера. У него достаточно денег, чтобы купить правосудие, даже если произойдет убийство, и он может смеяться над несколькими годами заключения с вероятным помилованием через половину срока. Нет, мой единственный шанс побороть его, если он уйдет от меня, – это заручиться сотрудничеством того, у кого есть возможность и желание опубликовать факты, чтобы все могли воспользоваться тайной, которой в противном случае пользовался бы он один. Я знаю, что вам тоже нужно проверить этот процесс, и, возможно, вы сможете использовать его в своих целях. На этот риск я готов пойти – короче говоря, я готов использовать любой шанс и сделать все, чтобы победить Хансдеккера.

Его лицо покраснелось. Я посмотрел на часы. Было только десять. Десять минут ходьбы приведут нас на Бродвей, так что время выдвигаться еще явно не пришло. В моей крови разгорелась перспектива захватывающего ночного приключения с некоторым оттенком романтики, но я все еще сомневался в здравомыслии, если не в нормальности, моего друга. Поэтому я подумал, что было бы неплохо выведать у него сведения про процесс, о котором он упомянул, прежде чем отправляться в путь, тем более что время для этого еще было.

– Если вы хотите, чтобы я, – сказал я, – опубликовал про этот процесс миру на определенных условиях, мне, конечно, необходимо иметь некоторое предварительное представление о его природе, иначе я могу столкнуться с аппаратами и механизмами, смысл которых без наставника будет для меня закрытой книгой, и вместо того, чтобы быть просвещенным о том, что мне предстоит увидеть, я стану просто растерянным и оцепеневшим. Этот ваш процесс очень сложный, очень научный? Расскажите мне что-нибудь об этом сейчас, чтобы я мог понять то, что я увижу.

– Друг мой, – сказал он, глядя на меня неподвижно, как обычно, и говоря очень серьезно, – процесс совершенно прост, насколько я знаю его этапы, и я полагаю, что последний этап, которого я не знаю, также совершенно прост. При производстве золота моей целью было просто подражать природе. Я не видел в природе ничего, что могло бы оправдать положение, что она когда-либо создавала один металл из другого. Я видел лишь то, что убеждало меня в том, что все металлы – да, все минеральные вещества – имеют общую основу. Как в органических структурах биоплазма является общей основой для всех, хотя мы все еще не знаем законов, по которым она развивается в различные виды и роды, так и в неорганической материи сами молекулы идентичны, хотя мы не знаем физических причин и химического родства, которые привели их к принятию различных форм, в которых мы их видим. То, что мы не можем с помощью тепла, самой мощной природной силы, о которой мы до сих пор хорошо осведомлены, изменить атомное расположение элементарных веществ так, чтобы продемонстрировать их в других формах, наводит на мысль, что тепло, возможно, в действительности не является самой мощной физической силой во Вселенной. Применяя большое тепло, мы можем перевести самые тугоплавкие твердые вещества в жидкое состояние, применяя его в еще более интенсивной степени, мы можем сделать их летучими – но элемент, будь то твердое тело или газ, все равно остается тем же элементом. Если мы переведем серебро в парообразное состояние, то сможем сконденсировать его в не что иное, как серебро. Все минералы и металлы следуют тому же правилу. Само по себе тепло не произведет такого изменения в их молекулярном состоянии, чтобы вызвать те атомные различия, которые мы называем плотностью, удельным весом, цветом, текстурой, твердостью и т.д. и т.п. То, что в природе не существует силы, способной сделать это, указывает либо на высшую стабильность, либо на выс-

шую неэффективность природы. Я не думаю, что наше нынешнее несовершенное знакомство с физической вселенной оправдывает нас в принятии любого из этих положений как доказанного. Ошибка средневековых алхимиков была ошибкой не рода, а степени. Инстинкт, который привел их к мысли, что они могут создать или реконструировать материальную субстанцию, назовите, если хотите, эту материальную субстанцию металлом и назовите этот металл золотом (конкретика не мешает принципу), был не более подвержен ошибкам, чем инстинкт бессмертия, который, как говорят, является общим для человеческой расы. Если в природе существует врожденная сила для осуществления последнего, то почему не первого? Утверждать, что человек не смеет или не может вмешиваться в природные явления, не может подчинить своей воле физические силы, значит выдвигать аргумент, который опровергается повседневным опытом нашего времени. Колумба высмеивали за его самонадеянность, когда он воображал, что может найти Восток на Западе, но высмеивали именно невежество, а не знание. Если бы древние алхимики следовали природе в создании золота и производили его естественным способом, они были бы избавлены от разочарования, которое всегда преследует исследователя, слишком самонадеянного или слишком ленивого, чтобы отслеживать только принципы и не проследивать их до самых корней. Возможно, в какой-то упорядоченной схеме Провидения время для такого открытия еще не пришло. Однако в нашем деле это ни к месту. Золото, рассуждал я, редко встречается вне кварца в свободном состоянии. Химическое воздействие может соединить другие элементы с золотом, но эти элементы можно разделить. Однако связь золота и кварца можно объяснить только двумя предположениями: либо золото и кварц затвердели одновременно, и первое было опутано вторым в самом процессе затвердевания, либо золото впоследствии образовалось в кварце. Первое предположение, по крайней мере, доказывает необычайную близость между этими двумя веществами, так почему бы золоту при охлаждении и переходе из жидкого в твердое состояние не попасть в другие минералы, а также в кварц? Последнее, казалось бы, доказывает беспрецедентное и немислимое свойство материи. Здесь действительно были рога дилеммы⁸. Последний рог быка, однако, кажется, был тем рогом, который следовало принять. Казалось более разумным предположить, что золото образовалось внутри кварца как его естественная часть под действием какой-то быстрой, бурной и трансцендентной силы, чем то, что оно неизменно попадало туда во время медленного процесса охлаждения. Шансы против последнего были, по крайней мере, по моей оценке, в соотношении многие миллионы к одному. Шансы были примерно равны за или против первого, если предположить, что в природе может быть найдена сила, достаточно мощная, чтобы изменить то расположение атомов в минеральных веществах, которое, как я полагал, эквивалентно изменению их внутренних качеств. Была ли в природе сила, спросил я себя, могущая сделать это. С научной точки зрения тепло было сведено к простой вибрации атомов, составляющих нагретое вещество. Существовала ли в природе сила, которая могла бы применить это тепло с такой силой, чтобы заставить эти атомы, находящиеся в таком состоянии, изменить свое расположение и, как бы изменяясь под нестерпимым натиском, принять новую форму? Та сила, которую мы называем электричеством, безусловно, была способна обеспечить это внезапное, бурное и запредельное тепло. Самые тугоплавкие вещества мгновенно расплавились под его воздействием в виде молнии. Как я могу сказать, что огромные, сильные и внезапные разряды этого электричества, не могли действительно образовать металлы, с которыми мы знакомы, внутри соответствующих минералов, которые их содержат? Как я могу сказать, что такой процесс, возможно, еще не продолжается, пока еще невидимый и неизвестный? Какой шанс получить какие-либо знания по вопросу, который требует от исследователя достаточно острого зрения, чтобы проникнуть в недра земли, и достаточно остро, чтобы обнаружить мгновенные

⁸ Рога дилеммы. Это классический метод, применяемый юристами в суде: юрист подводит свидетелей к необходимости выбрать между двумя вероятными объяснениями события, каждое из которых пробивает брешь в их версии.

изменения в её организации? Если в породе, которая, как известно, была бесплодна в отношении металла, вдруг обнаружится золотая жила, в одном месте, возможно, в плотном рудном теле, как будто какая-то сила израсходовала там свою мощь, а в другом – в виде бесцельных провалов, отрогов и пустот, как вспышка молнии, этот факт, несомненно, будет объяснен на основании гипотезы, что предыдущие поиски были ошибочными. Кто может сказать, что такие явления не могут произойти в открытых в настоящее время шахтах, и что старатель может не наткнуться на жилу золота, которой не было минуту назад, и при этом остаться в полном неведении об этом факте, если только она не окажется в том самом месте, где он наносил удар киркой. Разум подсказывал мне, что все это может быть так, но все же было много шансов и против этого. То, что в принципе может оказаться верным, тем не менее будет трудно реализовать на практике. Скудость золотоносного кварца на нашем земном шаре, скудость золота даже в тех породах, которые были золотоносными, указывали на то, что должны быть выполнены условия, которые нелегко выполнить. Тем не менее, я решил провести эксперимент согласно этой теории, и около трех лет назад мне удалось заинтересовать Хансдеккера в моем предприятии. Я убедил его аргументами в осуществимости идеи, и он приобрел небольшой портативный двигатель мощностью в две лошадиные силы, к которому мы присоединили пластинчатый электрогенератор, и проводили эксперименты как можно более скрытно на массивах девственной породы. Вначале мы просто собирали электричество в лейденские банки, а когда собирали мощный заряд, посылали его через кварцевую массу, изолируя или проводя в зависимости от наших идей, но безрезультатно. Мы применяли удары током достаточно мощные, чтобы расплавить небольшие куски породы, но все равно не добились успеха. Мы испробовали различные температуры, мы пытались вызвать такие естественные условия, которые, как можно предположить, существуют в природе. Но успеха не последовало. Странное очарование, казалось, привязывало нас к нашей задаче, и Хансдеккер продолжал предоставлять средства, которые, после первых затрат на двигатель и электрическое оборудование, по правде говоря, не были для него большой нагрузкой. Иногда мы не экспериментировали по несколько недель, а затем, когда нас захватывала новая идея, работали почти непрерывно день и ночь. Я не могу сказать, что мы были ближе к открытию в тот день, когда Хансдеккер наткнулся на него, чем в первый, и если бы он пришел к этому результату путем экспериментов и логических умозаключений, я был бы последним человеком в мире, кто отказал бы ему в заслуге за это. Но мое знание этого человека убеждает меня, что это было не так. Если бы не моя оригинальная идея, успех никогда не был бы достигнут никем, и мысль о том, что такой низкий, ничтожный, невежественный тупица, как этот, должен быть тем, кому судьба благоволит наслаждаться плодами этого возвышенного открытия, исключая меня, который действительно является инициатором и разработчиком процесса, достаточна, чтобы наполнить меня безумием и заставить меня сомневаться, существует ли вообще справедливость во вселенной. Я уверен, что последний шаг, с помощью которого он достиг успеха, должен быть совершенно простым, иначе случайность никогда бы не подбросила его на его пути, и он никогда бы не смог увидеть или понять его. Я сомневаюсь, что он смог бы развить какую-либо идею до конца, хотя, поскольку он когда-то занимался сантехническим ремеслом, он, несомненно, сможет сконструировать любое изделие в своей области. Теперь вы знаете основные моменты дела, и, поскольку, как я вижу, уже без четверти одиннадцать, нам лучше уже двигаться по Кирни.

Мы взяли свои шляпы и пошли по улице, пока не дошли до Монтгомери-авеню, по которой вышли на Бродвей. Прибыв сюда, мы под руководством Холла прошли по одной стороне улицы два квартала, затем бесшумно спустились по другой стороне и остановились у небольшого узкого переулка, отходящего от улицы. Здесь Холл наклонил голову и прислушался. Затем он выпрямился и покачал головой. Затем он прошел на цыпочках несколько ярдов по переулку, подняв вверх руку в знак предупреждения, и наконец остановился и, опустившись на колени, устремил свой взгляд в сторону дома у земли. Простояв в таком положении около

минуты, он поднял голову и позвал меня подойти к нему, что я немедленно сделал, как можно бесшумнее, и, подойдя к нему, заметил два отверстия от шнека среднего размера в той стороне дома, где он стоял на коленях. Он приложил глаз к одному из них, и я, следуя его примеру, опустил на колени и приложил глаз к другому. Я обнаружил, что смотрю вниз на внутреннюю часть подвала обычного здания размером примерно тридцать футов в длину и шестнадцать в ширину с точки, расположенной всего в нескольких дюймах от потолка. Беглый взгляд показал, что одна из сторон комнаты все еще занята столами для глажки белья, используемыми китайскими прачками, а в центре пола стоит небольшой переносной двигатель Бакстера мощностью около двух лошадиных сил, от шкива которого шел ремень к другому шкиву, соединенному шпонкой с валом, на котором висело большое колесо из толстого листового стекла диаметром около четырех футов. Периферия этого стеклянного колеса в одном месте проходила через шелковые прокладки или буферы, трение которых о стекло было, как я знал, обычным способом получения электричества. Боковая часть колеса вращалась в непосредственной близости от металлического цилиндра, который, как я знал, был обычным проводником или приемником тока, генератором которого являлось колесо. От цилиндрического проводника шел металлический стержень к другому механизму, который я должен описать подробно. По всем признакам это была огромная лейденская банка, но ее конструкция была оригинальной. На широком основании из воска стояла конструкция, напоминающая большой цилиндрический котел или чан, но состоящая из последовательных ярусов широких стеклянных колец, наложенных друг на друга таким образом, чтобы образовать непрерывный сосуд. Диаметр этого составного сосуда составлял около шести футов, а высота – столько же. Внутри и снаружи он был покрыт оловянной фольгой на расстоянии около фута от дна, его крышка или верхняя часть была просто круглой стеклянной крышкой, покрытой, как и бока, оловянной фольгой, а через отверстие в верхней части проходил железный стержень, заканчивающийся набалдашником на высоте около фута от верхней части крышки. На самом деле это была огромная лейденская банка емкостью, насколько я мог судить, от шестисот до восьмисот галлонов – грозный накопитель, когда заряжен. Прямо под ручкой, которая заканчивала стержень, висел поперечный стержень, работающий на шарнире, так что электрический ток мог подаваться в любую точку в пределах широкой области, центром которой была банка. В пределах этой зоны к полу и потолку были прикреплены прочные балки, укрепленные столь же прочными балками, соединяющими их, а к верхней балке был прикреплен блок, канат которого поднимался или опускался с помощью брашпиля и обычных зубчатых колес. Чуть ниже крюка на конце каната в грубом ящике, в котором его, очевидно, и привезли, лежала огромная глыба чистого белого кварца. Этот блок, по моим оценкам, весил не менее полутонны. Стол, стулья, небольшая печь, охапка дров, сундук, несколько предметов одежды, висевших на гвоздях в стене, несколько кастрюль, сковородок и провизии на одном из боковых столов, обычная походная кровать в одном из углов, покрытая одеялами, и на кровати человек – все это, хотя и потребовало значительного времени для передачи информации с помощью языка, все же было передано моему мозгу через глаза в одну секунду. Мое внимание сразу же сосредоточилось на фигуре, лежащей на кровати. Это был крупный, плотного телосложения мужчина в рубашке с засученными рукавами, он в данное время уже избавился от пиджака и жилета, с потрясающей головой, тяжелой челюстью, окладистой бородой и решительным выражением лица, очевидно, он был глубоко материалистичен и практичен, лишен воображения и во всех отношениях диаметрально противоположен человеку, который стоял на коленях и заглядывал в шнековое отверстие у меня под боком. Он курил деревянную трубку, но, казалось, не думал. Казалось, он просто ждал, и ждал только по делу.

Маленький двигатель – котел и двигатель в одном, с цилиндром на вершине котла – был, как я мог видеть, уже заведен. Вскоре мужчина встал, подошел к двигателю, проверил манометры, потом потянулся к охапке дров и положил в топку еще пару поленьев, повернулся и

осмотрел стеклянное колесо, шелковые прокладки, ремень, огромный составной сосуд, и наконец, подойдя к месту, где кварц покоился в ящике, ощупал все рукой, а затем накинул кольца четырех веревок, прикрепленных к углам ящика, на крюк на конце шкива. Повернувшись к двигателю, он постепенно пустил пар, и по мере вращения кривошипа огромное стеклянное колесо медленно заскользило между шелковыми буферами. Затем он повернул вентиль котла еще немного, и колесо пошло быстрее. Мужчина посмотрел на часы, набил трубку, пошел и снова лег на кровать. Я посмотрел на часы – было пять минут одиннадцатого. Я посмотрел на своего спутника, он сильно дрожал, но все еще не сводил глаз со шнекового отверстия. Я продолжил наблюдение, но ничего больше не происходило. В этой сцене не было ничего, кроме "натюрморта" неподвижной фигуры, курящей на кровати, и оживления бесшумного мотора и бесшумного механизма, которому он давал жизнь. Жизнь? Меня поразила мысль: что он делал? Здесь был паровой двигатель, работающий на полную, очевидно, он работал явно на пределе возможного. Он быстро вращал стеклянное колесо между шелковистых подушечек. Очевидно, это было приложением его силы, затрат его энергии. Но что, спрашивал я себя, было смыслом и финалом всего этого? Я знал, что тепло, выделяемое при сгорании древесины в топке двигателя, превращается в движение под действием кривошипа, но во что в конечном счете превращается это движение, тормозимое трением? Я смотрел на стеклянное колесо, трущееся о свои буферы, я смотрел на цилиндрический проводник, я смотрел на колоссальный сосуд. Прозрачная у основания, свинцового цвета на вершине, она стояла молча, неподвижно, отказываясь выдать секрет, который ему доверили паровая машина и стеклянное колесо. Прошло пять минут, десять; все еще двигатель продолжал свое устойчивое, механическое движение, неумолимое, как машина судьбы, все еще вращалось колесо, и все еще сосуд, огромный резервуар, в который вливался этот поток энергии, стоял неизменным и бесстрастным, как Сфинкс. Мой спутник тоже не отрывался от картины, по-прежнему стоя на коленях возле меня и приковав взгляд к отверстию от шнека. Пока я смотрел, казалось, прошли века. Все было таким неизменным, таким спокойным, таким механическим, что это становилось невыносимым. Я поднялся на ноги. Я посмотрел на звезды. Они тоже были спокойными, механическими, медленно вращающимися. Все, сверху и снизу, казалось, было связано, чтобы действовать в унисон, чтобы удержать эту идею в моей голове. Я снова опустился к отверстию. Ах! Там произошла перемена. Мужчина встал. Он снова посмотрел на часы, подбросил еще немного дров в двигатель, а затем подошел к брашпилю. Он начал вращать колесо. Медленно, линия за линией, дюйм за дюймом, ящик с массой кварца поднимался все ближе к блоку над ним, пока не достиг высоты около трех футов над полом. Здесь его оставили в покое, мужчина внимательно осмотрел его, посмотрел на часы и снова лег на кровать. Я тоже посмотрел на время – было только двадцать минут одиннадцатого. Но эта небольшая фаза действия принесла мне облегчение. Теперь я занялся математикой. Я начал вычислять: если паровая машина мощностью в две лошадиные силы будет работать на полную мощность, как это, очевидно, и происходило, в течение получаса, и если сила, которую она развивает, будет накапливаться, а не расходоваться, то какова будет совокупная энергия? Время, пространство и вес, являющиеся коррелятами в механике. Я подсчитал, что это было бы эквивалентно поднятию шестнадцати с половиной тонн на один фут за одну секунду. Но зная, что эта механическая энергия должна была превратиться в мгновенную силу, природа которой была мне неизвестна, я не мог рассчитать динамические эффекты удара тока. То, что вся эта накопленная сила должна была быть мгновенно применена в виде электричества, я знал со слов моего спутника, но не мог представить, каков будет результат. Я посмотрел на своего спутника, и на этот раз он поднял голову и встретил мой взгляд. Его лицо было бледным, губы сжаты, а тело сильно дрожало.

– Я полагаю, – сказал он, – что Хансдеккер собирается провести процесс прямо сейчас. И он снова приложил свой взгляд к отверстию.

Я тоже стал смотреть. Хандеккер встал, посмотрел на часы, по моим было половина одиннадцатого, и, отойдя в конец комнаты, взял большую кофейную банку, наполненную каким-то черным веществом, похожим на древесный уголь, и, поднеся ее к ящику, принялся трясти содержимое над кварцем, пока чистая белая масса не покрылась этим веществом и полностью не почернела. С губ человека, находившегося рядом со мной, сорвалось сдавленное восклицание, но я не обратил на него внимания, настолько меня заинтересовал результат того, что происходило внизу. Хандеккер поставил емкость на место, откуда взял, и взял со стола трость, конец которой был воткнут в горлышко обычной винной бутылки, которую он стал крепко фиксировать давлением руки. Затем он взял трость в правую руку и приложил дно бутылки к концу горизонтального стержня, который с помощью шарнирного соединения перемещался по вертикальному стержню, выступающему из верхней части большой банки. Этот стержень, поворачиваясь по дуге примерно на девяносто градусов, как я видел, оказывался в непосредственной близости от кварца в подвешенном ящике. Бутылка, как я видел, использовалась им из-за непроводящих свойств стекла. Теперь он начал очень медленно толкать стержень в направлении кварца. Я на мгновение посмотрел в сторону своего спутника и ничего не смог уловить на его лице, так как оно было вплотную прижато к стене дома, но мне показалось, что я слышал, как громко бьется его сердце. Когда через секунду я оглянулся, конец стержня лежал примерно в футе от кварца, который Хандеккер внимательно рассматривал. Казалось, он был удовлетворен и снова приложил свою трость с бутылкой к стержню. Я увидел, как стержень приблизился к кварцу на дюйм или два, а затем – свет, подобный ослепительному блеску полуденного солнца, внезапно вспыхнул в моем зрении, в ушах раздался звук, подобный выстрелу из пушки, и через мгновение все снова стало темным и неподвижным. Я вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть, как Холл сворачивает за угол переулочка. Я последовал за ним и не прошел и полквартиры по Бродвею, как встретил спешащих офицеров Бивена и Мак-Элвэни.

Я прошел мимо них незамеченным, но последовал за ними обратно к дому и смешался с толпой, которая собралась к месту происшествия со всей округи. Я присутствовал, когда двери подвала были распахнуты, и труп Хандеккера был найден среди обломков разрушенного оборудования. Я подобрал, и другие подобрали, фрагменты кварца полного чистого золота, оцениваемого (так мне потом сообщил эксперт, которому я показал один из образцов, унесенных с собой) 15 000 долларов за тонну. Различные причины удерживали меня от раскрытия офицерам в то время и коронеру впоследствии того, что я знал об этом деле, главными из них были желание скрыть роль, которую я сыграл в этом деле, и страх, что я мог быть втянут в утомительное и надоедливое расследование. Я подтверждаю все факты, изложенные в первых абзацах этой статьи, в том виде, в котором их написал репортер, и теперь, когда я раскрыл все, что мне известно об этом происшествии, мне приятно успокоить свой разум и знать, что друзья Хандеккера, если это повествование когда-нибудь попадет на глаза, будут утешаться тем, что они, по крайней мере, знают обстоятельства, при которых он пришел к своему концу. Последуют ли ученые за подсказкой Холла и Хандеккера, действительно ли заполнят рынок золотом и тем самым навлекут на общество ожидаемые в этом случае беды, я оставляю решать будущему. Было ли вещество, которое Хандеккер вытряхнул из канистры на кварц, древесным углем, и, если было, то имело ли оно какое-либо отношение к образованию золота в кварце или к взрыву, который сопровождал его – были ли образцы с золотом, которые мы подобрали после аварии, действительно фрагментами этой потревоженной кварцевой массы или были принесены туда самим Хандеккером с какой-то другой целью – это такая же загадка для меня, как и для моего читателя. Однако из судьбы Хандеккера можно извлечь один урок – ненаучные люди не должны играть с электричеством или делать колоссальные лейденские банки, думая, что в них заключены миллионы. Холла я с тех пор не видел. Думаю, он уехал из Сан-Франциско. Возможно, даже сейчас он экспериментирует на основе последнего опыта

Хансдеккера, если это так, то я с уверенностью ожидаю либо некролога в две строки в какой-нибудь калифорнийской газете, ибо я уверен, что он никогда не покинет Калифорнию, и имя следующего калифорнийского Монте-Кристо будет Филип Халл.

1879 год

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ ФИЛИППА ХОЛЛА

Проходя утром по Фримонт-стрит, я был окликнут с противоположного тротуара мистром Эндрю Эйткеном из компании "Литейные заводы "Циклоп", который, сумев привлечь мое внимание и замедлить мои шаги, перешел через дорогу на мою сторону улицы и сказал следующее:

– Вы как раз тот человек, которого я хотел увидеть. У меня есть кое-что для вас – кое-что по вашей профессии. Вот это, – и протянул бумажный пакет, который выглядел так, будто в нем была рукопись, и вложил его мне в руки.

– Ну и, – сказал я, – что вы хотите, чтобы я с этим сделал? Что это?

– Это рукопись или какой-то рассказ, – ответил Эйткен, – и я хочу, чтобы вы опубликовали её в какой-нибудь из ведущих газет. Её прислал мне день или два назад один джентльмен, для которого наша фирма в последнее время много трудилась, с просьбой проследить за тем, чтобы она была опубликована, и, конечно, я хочу это выполнить. Я знаю, что вы можете помочь мне в этом деле, если захотите.

– О чем эта рукопись? – спросил я.

– Я знаю не больше, чем вы. У меня не было времени заглянуть в пакет, даже если бы я счел нужным это сделать. Подождите, – он достал из кармана пальто письмо, – вот письмо, которое пришло вместе с пакетом, и в нем вы найдете все, что я знаю об этом деле.

Я открыл письмо и прочитал нижеследующее:

"Найтс Фекри, 20 сентября 1879 года.

Эндрю Эйткenu, эсквайру, литейный завод "Циклоп", Сан-Франциско:

"Дорогой сэръ!

Прилагаю тратту⁹ на 587,65 долларов в Банке Калифорнии, которая закрывает счет между нами. Вместе с этим письмом вы получите пакет с рукописью, и я буду очень признателен, если вы передадите ее для публикации в какой-нибудь ведущий журнал Сан-Франциско. Я хотел бы, чтобы она попала в руки какой-нибудь надежной и солидной газеты, где на эту тему не будут смотреть как на гениальную выдумку, а отнесутся с уважением и доверием, которых она заслуживает. Дело, о котором идет речь, имеет национальное и, можно сказать, даже мировое значение, и единственная причина, по которой я не опубликовал его в каком-нибудь восточном периодическом издании, – это патриотические чувства, которые я испытываю к Калифорнии, и желание, чтобы Тихоокеанское побережье не потеряло престиж, который неизбежно связан с подвигом такого характера, а показало всему миру, что оно опережает его по уму, изобретательности, энергии и независимости мысли и действий, точно так же как и по своим климатическим условиям, продуктивности своей почвы и богатству своих минеральных пластов. Повествование будет говорить само за себя и должно убедить даже самого скептически настроенного человека в его истинности на основании одних лишь временных свидетельств. Я уверен, что оно наверняка столкнется с неприятием ученых, равно как и с пустопорожней недоверчивостью невежд, ибо разве со всеми самыми важными достижениями в науке, искусстве и открытиях никогда не происходило подобного? Однако пройдет не так много времени, прежде чем я докажу его истинность всем очевидцам. Мне мешает сделать это немедленно только мое желание провести еще одно испытание перед демонстрацией. Пожалуйста, вышлите мне три дюжины болтов и гаек, того же размера, что и в прошлый раз, в Окдейл, как и раньше.

Ваш покорный слуга, Филипп Холл".

⁹ Тратта (от итал. tratta) или переводной вексель – вексель, который содержит ничем не обусловленное предложение (приказ) векселедателя оговоренному в векселе плательщику (трассату) уплатить определённую денежную сумму векселедержателю.

Когда я прочитал подпись "Филип Холл", я удивился и, обратившись к Эйткену, спросил его, знаком ли он с этим человеком.

– Не совсем, – ответил Эйткен. – я видел его только один раз, около шести месяцев назад. С тех пор я общался с ним только через письма.

– Что он за человек? – спросил я взволнованно. – Какова его внешность? Какова его профессия?

– Насколько я помню, – ответил Эйткен, – это человек примерно средних лет, высокий, смуглый, с сильными чертами лица, и по стилю его заказов и исполнению его планов и чертежей я должен был бы судить, что он более чем хорошо знаком с инженерным искусством.

Описание Эйткена было достаточно точным, чтобы убедить меня, что этот Филип Холл был человеком, который имел со мной более чем общие интересы, и вот как: около года назад я случайно встретил в общественном месте человека с вышеупомянутым именем и подходящего под вышеупомянутое описание, и, после разговора на тему алхимии, был заинтересован сопроводить его к зданию на Бродвее, где человек, которого он назвал своим партнером, был, как он утверждал, занят производством золота с помощью электричества из кварцевой породы. Мы наблюдали за действиями этого человека, которого звали Хансдеккер, через отверстия, которые Холл предварительно пробурил в боковой стенке дома; и во время неразберихи, вызванной катастрофическим взрывом, который и привел к смерти Хансдеккера, Холл исчез, и с тех пор я ничего о нем не слышал. Однако в ходе этого эпизода он произвел на меня такое сильное впечатление своим умом и изобретательностью, что, признаюсь, мне было очень интересно узнать о нем побольше. Поэтому, попрощавшись с Эйткеном и заверив, что выполняю его поручение, я положил пакет в карман и отправился ту же пивную, где ранее встретился с Холлом, и где, как я знал, у меня будет возможность для спокойного ознакомления с рукописью. "Чем занимался Холл?" – думал я по дороге туда. – "Какое новое направление приняла его изобретательность? Или он наконец-то преуспел в производстве золота тем процессом, который остался неясным и неопределенным из-за судьбы его партнера?" Размышления были бесполезны, поэтому, прибыв на место, я сел, открыл пакет, достал рукопись и принялся читать.

СООБЩЕНИЕ.

Моя цель публикации нижеследующего сообщения миру до публичной демонстрации факта, о котором оно повествует, состоит в том, чтобы заверить себя, что в случае непредвиденной случайности, случившейся со мной, запись об этом подвиге не будет окутана мраком и забвением – тем более, что характер предприятия был особенно опасным. С этим извинением в качестве прелюдии я и начну свой рассказ. Меня зовут Филипп Холл, моя профессия – инженер-строитель. Я приехал в Калифорнию из штата Нью-Йорк много лет назад и с тех пор я опробовал себя в разных направлениях с переменным успехом. В течение последнего года я испытал прилив удачи. Подробности о характере этой удачи несущественны и не относятся к теме. Калифорния дает так много примеров внезапных изменений в этом отношении, что мой случай не должен вызывать удивления. Мне достаточно сказать, что из бедного и борющегося за свое дело профессионала я внезапно превратился в капиталиста с необычайными возможностями для увеличения своего капитала. Я оказался в положении, позволяющем помогать моим друзьям и потакать моим собственным идеям, какими бы они ни были. Первое было приятной, но не обременительной обязанностью, так как бедняк обычно не обладает избытком друзей, второе приняло форму проекта, который привлекал мое внимание в течение многих лет, но я никогда не находил возможности его осуществить. Это было ни больше, ни меньше, чем решение проблемы воздушной навигации. Ученые, правда, в последние годы теоретически размышляли над ней, некомпетентные практики тратили время и деньги на испытания, которые были обречены на провал, теоретики выдвигали теории, которые не выдерживали испытания практикой, практики недостаточно учитывали силу элементарных законов природы, капиталисты не стали бы ввязываться в предприятие, которое так часто пытались осуществить и

так часто терпело неудачу, что это мало обнадеживало даже самых оптимистичных. Пророчество поэта, который "Услышал, как небеса наполнились криками, и оттуда пролилась ужасная роса От воздушных флотов наций, сражающихся в синих небесах"¹⁰, казалось столь же далеким от осуществления, как и во времена Монгольфье. Таким образом, дело стояло на месте. Когда я приступил к изучению вопроса, он сформулировался следующим образом: что необходимо в воздушном судне, чтобы оно имело практическую ценность? Очевидно, что оно должно отвечать потребностям торговли и коммерции, поскольку способно перевозить пассажиров или грузы с такой же легкостью и безопасностью, как и наши нынешние наземные или океанские линии. Если оно не сможет этого сделать, оно не сможет конкурировать с остальным транспортом, а тем более вытеснить его. Ясно, рассуждал я, что воздушный шар никогда не сможет иметь практической ценности в этих вопросах, потому что невозможно контролировать его движение ни во время, ни после окончания путешествия. Воздушные шары направляются не в ту сторону, в которую путешественник желает попасть, а по воле ветра, и когда он пытается вернуться на землю, он делает это, рискуя жизнью и конечностями. Воздушные шары действительно были намеком будущих результатов в воздушной навигации, но намеком лишь в той степени, в какой две тысячи лет назад эолипил Герона¹¹ был прообразом современного парового двигателя. Грубые попытки более поздних экспериментаторов в области аэронавтики потерпели неудачу, потому что они не подходили к предмету в корне, а делали слепые и смутные попытки получить нужный результат, следуя случайным идеям или интуиции, которые имели такую же вероятность быть верными, как бухгалтер, который должен сомневаться в результате столбца цифр, не пройдя через процесс их сложения. Несколько условий, которые должны быть выполнены в настоящем воздушном корабле:

1. Он должен быть способен подниматься или опускаться в любой точке земной поверхности по желанию, легко, плавно и без сотрясения своих механизмов, грузов или пассажиров.
2. Он должен обладать способностью двигаться в любом требуемом направлении.
3. Его конструкция должна основываться на таких механических и динамических принципах, которые обеспечат ему не больший риск аварии, чем кораблю в море.
4. Вес не должен быть препятствием для его успешной работы.

Убедившись, что эти условия являются обязательными, я приступил к изучению первого, а именно – левитации. Я обнаружил, что птицы, за исключением, пожалуй, лугового жаворонка, кондора и одной-двух других видов, не используют, если вообще обладают, способностью просто левитировать. Полет в горизонтальном или наклонном направлении является для них более естественным и целесообразным способом передвижения. Те птицы, которые поднимают себя перпендикулярно, делают это с большим усилием и затрачивают много энергии. Об этом свидетельствует ненормально быстрое движение крыльев жаворонка, когда он парит, или колибри, когда он поддерживает равновесие. То же самое можно наблюдать в случае таких насекомых, как муха-дракон и другие представители близких родов. Если проанализировать кривые, описываемые крыльями этих птиц и насекомых, то окажется, что они представляют собой не просто возвратно-поступательное движение, а движение, воплощающее не только форму, но и математические особенности винтового движителя. Это было фактически доказано не так давно успешной передачей, с помощью чрезвычайно тонкой и чувствительной автографической настройки, колебаний крыльев зафиксированного насекомого на подготовленную фотопластинку, результатом было изображение почти идеальной горизонтальной восьмерки. Тот факт, что первичная механическая сила винта была использована природой задолго до того, как она была зарегистрирована среди динамических устройств человека, явля-

¹⁰ Отрывок из стихотворения "Локсли Холл", написанного Альфредом Теннисоном в 1835 году

¹¹ Герон Александрийский – греческий математик и механик первого века н.э. Герона относят к величайшим инженерам за всю историю человечества. Его эолипил представляет собой первую паровую турбину – шар, вращаемый силой струй водяного пара.

ется достаточным основанием для того, чтобы рассмотреть его пристальнее и сосредоточить на нем все внимание. Человек использует его как средство для перемещения тяжелых тел (железных судов) через плотную среду (воду). Природа использует его как средство для перемещения сравнительно тяжелых тел (птиц) через легкую среду (воздух). Вопрос заключался в том, можно ли эффективно использовать принцип винта для поднятия и перемещения по воздуху очень тяжелого тела.

Теоретически, речь идет просто о весьма ординарной математической задаче, факторы которой сводятся к следующим:

1. Сила тяжести тела, которое нужно поднять или привести в движение.

2. Тяжесть среды (воздуха), через которую это тело должно быть поднято или приведено в движение.

Эти два фактора было легко вычислить, исходя из пропорции, которую один из них имел по отношению к другому, каковы должны быть размеры винта и скорость его вращения. Если снова воспользоваться аналогией с природой, то правило выглядело следующим образом – чем меньше птица, тем больше число колебаний крыльев за определенное время, чем больше птица, тем меньше и медленнее эти колебания. Этот кажущийся парадокс был всего лишь проявлением общего принципа соотношения сил – площадь рычага (крыла) и пространство, через которое он перемещается, были соизмеримы с временем, затраченным на это движение. Для получения определенного результата необходимо затратить определенное количество энергии, и (теоретически) совершенно несущественно, примет ли эта энергия форму длинного рычага, широкого размаха или быстрого движения. Не было никаких математических или механических сомнений в том, что горизонтальный винтовой движитель способен поднять тяжелое тело перпендикулярно в воздух и таким же образом привести его в движение в горизонтальном направлении, при условии (и здесь кроется сомнение), что механические трудности, стоящие на этом пути, могут быть преодолены. В физическом принципе не было ничего нового, поскольку средний ребенок в каждой цивилизованной стране был знаком с эволюциями летающего волчка, который является прекрасной иллюстрацией упомянутого принципа в действии. Летающий волчок состоит всего лишь из простого жужжащего волчка, утяжеленного в нижней части и снабженного в верхней части легким винтовым пропеллером. Быстрое вращательное движение, придаваемое волчку энергичным натяжением шнура, намотанного на его веретено, обеспечивает винтовой пропеллер силой, достаточной для того, чтобы поднять себя и весь корпус волчка на высоту со скоростью, соизмеримой со скоростью его вращения. Волчок такого типа, из-за мощного начального импульса, будет подниматься устойчиво и перпендикулярно – пропеллер вынужден сохранять свое горизонтальное положение, если он установлен под прямым углом к осевой линии своего вала, под действием веса нижней части волчка – на высоту пятидесяти футов или более, пока энергия вращения его винта не станет динамически эквивалентной силе тяжести его массы, он на мгновение замирает в воздухе, а затем опускается со скоростью, пропорциональной уменьшению энергии его вращения и ускоряющей силы тяжести. Очевидно, что если бы вершина содержала в себе средства сохранения начальной скорости, она продолжала бы подниматься, с медленно уменьшающейся скоростью, пока не достигла бы той высоты, на которой упругость атмосферы обеспечила бы достаточное сопротивление жидкости лопастям пропеллера для поддержания волчка в равновесии, и в этом состоянии он оставался бы до тех пор, пока длилось бы его вращательное движение или механизм, который его производит. Теоретически, нет причин, почему не должны быть получены те же результаты, если подобная машина будет построена в большом масштабе, с соблюдением тех же условий пропорций в ее конструкции. Практически же на пути к этому стояли очень серьезные трудности. Эти трудности были, в основном, двоякого рода:

1. Конструкция и управление подходящим пропеллером.

2. Вес и громоздкость механизмов, необходимых для приведения в движение этого винта.

Пропеллер достаточной силы, чтобы поднять судно или автомобиль большого веса, должен быть с лопастями пропорциональной длины и ширины, способными вращаться с большой скоростью. Давление в фунтах на эти лопасти было бы неравномерным по всей их длине, будучи во много раз больше на их внешних концах, чем в тех местах, где они соединены с ведущим валом. Вследствие неравномерной нагрузки они могли бы сломаться или деформироваться, если бы были сделаны из слишком хрупкого материала; с другой стороны, если бы они были сделаны из слишком упругого материала, они могли бы согнуться до такой степени, что стали бы непригодными для той цели, для которой они были предназначены. Другая большая трудность, связанная с пропеллером, заключалась в трении ведущего вала в подшипниках, которое, если рассматривать его быстрое вращение и собственный вес, который он должен выдерживать (ведь весь вес судна будет приходиться на подшипники вала), представляло собой серьезное препятствие, которое необходимо было преодолеть. Вторая трудность, движущая сила, также была не из легких. Пар казался единственной силой, способной эффективно обеспечить необходимую движущую силу. Но пар подразумевал огромный вес. Во-первых, это двигатель и станина, которые должны были быть сделаны из цельного металла, чтобы предотвратить вибрацию, во-вторых, котел, в-третьих, вода и в-четвертых, топливо, которое необходимо было учитывать. Казалось, что даже если предположить, что можно построить подходящий движитель и приводить его в движение с помощью подходящих механизмов, вес всего аппарата будет настолько велик, что исключит возможность его подъема вообще! Перспектива, конечно, была далеко не обнадеживающей, но я все же решил продемонстрировать возможность или невозможность достижения поставленной цели. Чтобы убедиться в реальных достоинствах этого весомого вопроса, я занялся математикой и подошел к предмету с другой стороны. Линия моей аргументации была следующей: Динамическая одна "лошадиная сила" – это способность поднять 33,000 фунтов на один фут пространства за одну минуту времени, или (вес, пространство и время являются коррелятами в механике) 330 фунтов, на сто футов за одну минуту; следовательно, паровая машина в 50 лошадиных сил была бы способна поднять $330 \times 50 = 16,500$ фунтов на сто футов за одну минуту. Таким образом, транспорт или судно, содержащее двигатель мощностью 50 лошадиных сил с его обычными принадлежностями, обеспечивающий движение горизонтального винта подходящей конструкции, вес которого не превышает 16 500 фунтов, должно быть способно подниматься по воздуху со скоростью сто футов в минуту. Таким образом, теоретически продемонстрировав практическую возможность подъема судна по воздуху с помощью энергии, вырабатываемой внутри судна и применяемой к горизонтальному пропеллеру, я без промедления приступил к практической реализации своей теории. Почти год назад, с целью проведения некоторых научных экспериментов, которыми я тогда занимался, без риска вмешательства или слежки, я получил в пользование необитаемый фермерский дом на берегу реки Станислаус недалеко от Найтс-Ферри. Успешно проведя эти эксперименты, я получил достаточно средств для удовлетворения всех текущих потребностей, с уверенностью, что так будет и в будущем, я отправился в Сан-Франциско и передал свои заказы и чертежи на литейный завод "Циклоп". Я заручился услугами механика, мистера Джеймса Ачинклосса, чтобы он сопровождал меня на ранчо, предложив ему такие денежные стимулы, чтобы он был заинтересован в этом. Когда я говорю, что Ачинклосс был механиком из Глазго, досконально знающим свою профессию и разбирающимся в устройстве и управлении паровыми машинами так же, как обычные люди разбираются в использовании ножа и вилки, я говорю именно то, что есть на самом деле. После того, как машины были отлиты и подогнаны на чугунолитейном заводе, они были отправлены по частям, по мере необходимости, по Южной Тихоокеанской железной дороге в Окдейл, откуда я перевез их в повозках на свое ранчо. Здесь у нас была возможность свободно работать, не подвергаясь чужому любопытству и вторжению, которые неизбежно досаждали бы нам в более густонаселенных местах. Фермеры в нашем районе, а их было очень мало, были слишком равнодушны, чтобы

заботиться о предмете наших трудов, и слишком невежественны, чтобы догадаться о нем. Под нашими руками работа шла полным ходом. Мы добросовестно и неустанно работали по десять часов в день с начала марта до середины сентября. За это время мы создали машину, новую по конструкции, прекрасную по исполнению, точную в деталях и не имеющую аналогов в летописи механизмов. К середине сентября в помещении, расположенном в задней части дома, стояло судно, которое можно кратко описать следующим образом – его корпус представлял собой плоскодонную лодку или плот длиной двадцать футов, заостренный с обоих концов, шириной пятнадцать футов в центре, с фальшбортами из легких перил высотой четыре фута. Материал, из которого изготовлено днище судна, был композитным, состоящим из дубовых и тиковых досок, уложенных поперек друг друга и скрепленных стальными ребрами. В центре днища находилась станина для механизмов, изготовленная из цельного чугуна и весившая полторы тонны. Через центр станины проходил ведущий вал пропеллера, так что подшипник вала был зацеплен с конической шестерней, которая свободно вращалась на вертикальном валу, но по желанию могла быть приведена в жесткое соединение с помощью храповика. Когда это зацепление было введено в действие, оно передавало мощность от перпендикулярного вала к горизонтальному пропорционально соответствующим диаметрам их зацепления и соответствующим размерам их пропеллеров. Если диаметр зубчатого колеса на горизонтальном валу составлял только одну треть от диаметра зубчатого колеса на перпендикулярном валу, то на горизонтальный вал передавалось в два раза больше мощности (с учетом несоразмерности пропеллеров), чем на перпендикулярный, оставляя последнему только достаточную мощность для поддержания судна в равновесии. На передней стороне вертикального вала и напротив двигателя стоял генератор. Я с самого начала решил отказаться от пара, как слишком громоздкого, неуклюжего и хлопотного для моей цели, и использовать сжатый воздух, полученный несколько новым способом. Объем цилиндра двигателя составлял более полутора кубических футов, следовательно, на каждый оборот винта уходило три кубических фута сжатого воздуха. Оценивая используемое давление в девяносто фунтов на квадратный дюйм, для каждого оборота нужно было сжимать столько воздуха, сколько составляла разница между обычным атмосферным давлением (15 фунтов) и требуемым давлением двигателя, или в шесть раз больше, то есть восемнадцать кубических футов. Мой генератор состоял из цилиндра диаметром четыре фута и длиной шесть, объемом семьдесят пять кубических футов, снабженного свободным поршнем. Один конец этого цилиндра открывался в приемник из котельного железа емкостью 200 кубических футов, отверстие которого было снабжено клапаном, открывающимся наружу от генератора. Другое отверстие на верхней поверхности того же конца цилиндра, снабженное клапаном, открывающимся внутрь, пропускало наружный воздух в генератор. На другом конце генераторного цилиндра вращался на валу, введенном в головку цилиндра, массивный стальной диск, перфорированный двадцатью четырьмя отверстиями, расположенными на расстоянии шести дюймов друг от друга по периферии. Эти отверстия, когда диск вращался, проходили во вращении над устьем большего отверстия в головке цилиндра так же, как камеры револьвера проходят над казенной частью ствола. Генератор использовался следующим образом – в отверстия вращающегося диска вставлялись патроны, наполненные сжатым пороховым хлопком, причем размер заряда точно соответствовал содержанию цилиндра и требуемому давлению. Эти патроны, проходя при вращении над отверстием в цилиндре, автоматически замыкали цепь электрической батареи, искра от которой воспламеняла патрон. Приобретенная таким образом взрывная сила действовала непосредственно на свободный поршень генератора, который перемещался к дальней части цилиндра, сжимая воздух на своем пути и заставляя его проходить через клапан, который открывался наружу, в то же время закрывая клапан, который открывался внутрь от внешнего воздуха. Когда поршень достиг другого конца цилиндра, и сила взрыва была израсходована, после него остался частичный вакуум, которым немедленно заполнял внешний воздух, устремлявшийся внутрь через отверстие под станиной. Этот вал

был из стали, диаметром двадцать футов, с клапаном в верхней части цилиндра, и выталкивал поршень назад на четыре дюйма. К его верхней оконечности под прямым углом к оси был прикреплен стальной диск диаметром три фута и толщиной три дюйма, к которому были прикреплены концы пропеллера – лопасти в количестве шестнадцати штук. Эти лопасти были изготовлены в виде шести секций размером три фута на пять, каждая из которых была независима от всех других секций той же лопасти, хотя и связана стальными ремнями по всей длине, но соединена со всеми соответствующими секциями других пятнадцати секций посредством двух круглых железных стержней диаметром два дюйма, проходящих через все секции, одна над другой, к которым секции были прочно прикреплены с помощью болтов и гаек. Таким образом, изготовление лопастей из секций позволило, помимо преимуществ прочности, приблизить истинный механический угол пропеллера, который изменяется в зависимости от расстояния до вала. Когда секции были установлены, они представляли собой огромный шестнадцатилопастной гребной винт диаметром тридцать шесть футов, укрепленный шестью наборами концентрических колец на расстоянии трех футов друг от друга, лопасти были шестнадцать футов в длину и трех в ширину. Используя дерево в конструкции винта, я обеспечил необходимые качества легкости и упругости, строя лопасти из секций и скрепляя их железными и продольными стальными ремнями, я сделал их достаточно прочными, чтобы выдержать огромное давление, которое будет оказываться на них, особенно на их концах, где скорость движения будет наибольшей, хотя я в значительной степени компенсировал это несоответствие давления, сделав угол лопасти на внешней стороне настолько острым к плоскости движения, насколько это соответствовало необходимому требованию мощности. Трение вала в подшипнике на дне станины почти полностью исключено благодаря использованию гидравлического принципа, который в последнее время вошел в моду в тяжелом машиностроении и заключается в подаче масла между воротником вала и его подшипником, так что между ними всегда остается промежуточная пленка жидкости. Благодаря этому методу была обеспечена свобода от трения и легкость в работе, недостижимая другим способом.

Простой двигатель, 15 на 24, способный развивать мощность до 60 лошадиных сил при давлении девяти фунтов на квадратный дюйм и тридцати оборотах в минуту, был установлен на станине в задней части судна и передавал энергию на ведущий вал. Давление в девяти фунтов на квадратный дюйм на поверхности поршня этого двигателя давало суммарную энергию в 16 000 фунтов, а поскольку таков был расчетный вес моего судна, включая все его принадлежности, из этого следовало, что скорость поршня в цилиндре должна точно соответствовать скорости подъема судна в воздух. Таким образом, если поршень проходил длину цилиндра (два фута) за одну секунду, судно должно было подниматься в том же соотношении, если поршень совершал одно возвратно-поступательное движение за то же время, что было бы эквивалентно одному обороту винтового пропеллера, последний обеспечивал бы подъемную энергию в четыре фута в секунду. Под днищем цилиндра по всей длине судна до кормы проходил еще один вал, во всех отношениях похожий на только что описанный перпендикулярный, заканчивающийся винтовым движителем такой же конструкции, как и первый, лопасти которого, однако, были намного короче, шире и жестче – их было всего четыре, а длина составляла восемь футов на четыре в ширину. Шарнир в центре этого вала позволял при необходимости поднимать пропеллер с помощью рычага над землей, в то время как его внутренний конец соединялся с перпендикулярным ему исходным положением другого конца, в то же время генератор наполнялся воздухом для сжатия при следующем взрыве, а давление сжатого воздуха в ресивере на клапан, который открывался из генератора, не позволяло ему выйти. Диск с зарядами вращался с любой желаемой скоростью с помощью простого устройства, соединяющего его с приводным валом, так что его можно было регулировать в соответствии с давлением, показываемым манометром на ресивере; номинальная скорость его вращения находилась в соотношении один толчок сжимающего поршня на четыре оборота приводного вала, поскольку

кубическое содержимое генератора было в восемь раз больше, чем в приводном цилиндре. Генератор был изготовлен из сплава алюминия и оружейного металла в таких пропорциях, что его вес составлял лишь одну треть от веса, как если бы он был отлит из железа. Не имея возможности достать алюминий на этом побережье, я со значительными затратами приобрел тысячу фунтов алюминия у одной восточной фирмы. Упругость и прочность этого сплава были лучше приспособлены для того, чтобы выдержать напряжение взрыва, чем железо или даже пушечный металл, в то время как его легкость была прекрасной рекомендацией для его использования. В обязанности инженера, контролировавшего работу этого механизма, помимо обычного ухода за двигателем, входило лишь поддержание вращающихся камер с зарядами и регулирование их вращения с помощью манометра в ресивере. Руль состоял из плоского куска дерева двенадцати футов в длину и четырех в ширину и выполнял свои функции под носовой частью судна, поднимаясь или опускаясь по желанию через щель в днище. Поскольку он вращался вокруг своего центра, его действие было двусторонним как в носу, так и в корме, и, следовательно, очень мощным. Носовая часть судна на протяжении пятнадцати футов, или до его центра, была окружена деревянным фальшбортом высотой восемь футов, снабженным окнами для кают и покрытым крышей. Это эффективно защищало механизмы и пассажиров от атмосферного воздействия, которое могло возникнуть при быстром передвижении по воздуху. В этой кабине были установлены кресла и стационарный стол, а также шкафчики по бокам. Я приобрел у одного восточного производителя 30 000 гильз длиной 3 дюйма и диаметром 2 дюйма, очень простого образца, по четверти цента за штуку, и, приготовив предварительно большое количество пушечного хлопка, мы с Акинлоссом по прибытии гильз провели день, заряжая их взрывчаткой и упаковывая в пять ящиков длиной шесть футов, глубиной и шириной по три. Их мы поставили в каюту, а затем отдохнули от трудов.

Это было пятнадцатого сентября, а на утро мы решили испытать аппарат и совершить пробный взлет. В эту ночь мы спали мало и встали на рассвете. После торопливого завтрака мы вышли во двор и стояли, глядя на судно. Странные чувства охватили меня, когда я смотрел на него. Что, если механизмы не будут работать? Что, если пропеллер откажется действовать в соответствии с моими теоретическими расчетами? Что, если эта летающая машина повторит поведение своих предшественников и останется памятником глупости своего создателя? По крайней мере, я решил, что она не должна этого сделать, но что если она не совершит воздушное путешествие одним способом, то должна будет совершить его другим, под совместным воздействием всех зарядов одновременно. По крайней мере, мир не должен стать свидетелем моего поражения. Странно, что такие чувства нахлынули на меня в момент завершения работы, когда я был совершенно уверен и настроен на успех в течение пяти месяцев работы! Я высказал свои чувства Ачинглоссу, который молча стоял рядом со мной и курил очень короткую и грубую глиняную трубку, что было его обычаем в любое время и при любых обстоятельствах. Этот достойный практик не стал тратить ни слова, ни взгляда в ответ, а прыгнул в судно и принялся смазывать различные подшипники механизмов. Я последовал за ним и зарядил вращающийся диск патронами.

В первую очередь необходимо было проверить рабочие качества движущей машины, для чего шатун был отсоединен от своего кривошипа и присоединен к другому, на шкив которого был надет тормоз. Я соединил шатун с машиной, и первый патрон был выпущен. Звуча не последовало, поскольку взрыв произошел не в замкнутой камере, но поршень, очевидно, сделал свою работу, о чем я мог судить по силе воздуха, ворвавшегося через отверстие в дальнем конце цилиндра. Поскольку сжатого воздуха еще не хватало, чтобы привести двигатель в движение, я вращал диск вручную, пока следующая камера не соприкоснулась с проводом от батареи, и тогда патрон взорвался с тем же результатом, что и раньше. Манометр на ствольной коробке поднялся до пятнадцати фунтов и при каждом выстреле регистрировал все большее давление, пока после взрыва восьми камер не достиг шестидесяти. Пока я соединял ремень с

коническим шкивом, вращавшим диск, Ачинклосс постепенно открыл дроссельную заслонку и впустил воздух в двигатель. Кривошип начал двигаться, шкив работал против своего тормоза, диск патрона вращался в унисон, и, регулируя конический шкив, я поддерживал давление в ресивере на уровне шестидесяти фунтов. Через пять минут стабильной и ритмичной работы Акинлосс объявил, что механизм находится в первоклассном рабочем состоянии, и снова присоединил шатун к кривошипу гребного вала. Наступил волнующий момент. С бьющимся сердцем я стоял с коробкой патронов наготове, готовый заряжать камеры и вынимать пустые гильзы по мере их прохождения. Аучинклосс стоял у двигателя, с трубкой во рту, но с неподвижным и сосредоточенным взглядом. Он медленно повернул вентиль и, не отрывая от него руку, поднял глаза к винту. Медленно огромные лопасти начали двигаться, а затем, под манипуляции Акинлосса с клапаном, их движение становилось все быстрее и быстрее. Напрягая глаза и дрожа от волнения, я наблюдал за огромными вентиляторами, которые пронеслись по воздуху с пронзительным, свистящим звуком, похожим на ветер, мчащийся по узкому проходу. Затем лопасти стали неразличимы, и все это напоминало светло-коричневый круглый диск, неподвижно висящий в воздухе.

– Я сделал все, что мог, – сказал Акинлосс, – он не собирается подниматься. Мы должны дать большее давление. Передвиньте ремень так, чтобы разряды были быстрее.

Я так и сделал, хотя и с замиранием сердца, потому что неспособность винта поднять судно с силой более шестидесяти лошадиных сил заставила меня упасть духом.

Я обратился к Аучинклоссу:

– Сколько оборотов в минуту?

Он стоял с часами в руке, глядя на кривошип, и вскоре ответил:

– Сорок пять.

Манометр поднялся до семидесяти пяти; Ачинклосс, все еще глядя на кривошип, сказал:

– Пятьдесят пять оборотов.

Я чувствовал, как дрожат доски под моими ногами, мое тело тоже дрожало от волнения, как вдруг, – Хрясь! – что-то затрещало над головой. Аучинклосс, быстро, как мысль, закрыл клапан и бросился в кабину. Мои глаза были как зачарованные прикованы к пропеллеру, который после нескольких оборотов сбавил скорость и представил нашему взору печальное зрелище. Семь лопастей были скручены и сломаны, их части были разбросаны во все стороны, а три из них свисали вниз под углом, согнув скрепляющие их кольца. Я с сожалением посмотрел на Ачинклосса и не проронил ни слова. Это всегда было моим недостатком (и, хотя я знаю это, я не могу его преодолеть) – легко радоваться удаче и впадать в уныние при неудачах. Ачинклосс, казалось, понимал это.

– Приготовьтесь, босс, – сказал он. – Ставлю свою шляпу на то, что аппарат еще полетит. Он был на ходу, когда эти чертовы лопасти лопнули. Им нужно более прочное крепление.

Мы опустили винт на вал, чтобы он оказался на палубе, и осмотрели обломки. Затем мы посоветовались, какие крепления нужны, и, сделав замеры и чертежи, решили, что Ачинклосс должен поехать в Сан-Франциско и достать необходимые детали, которые, он сказал, что сможет сделать в течение трех дней, поскольку все они должны быть сделаны из кованого железа. Во время его отсутствия я предавался мрачным размышлениям, которые не были окончательно развеяны его возвращением и работой, которой мы тогда занялись. Каждая из лопастей была укреплена прочной железной скобой, проходящей от ее центра к центру вала, также дополнительным ремнем, проходящим по всей длине. Секции были дополнительно укреплены поперечными распорками. На это было потрачено три дня, и сегодня утром, 20 сентября, винт снова был поднят на свое место на вершине вала. Не могу сказать, что я был настроен так же оптимистично или так же взволнован, как во время первого испытания за неделю до этого. Новизна ожиданий, которая тогда была столь яркой, улетучилась, и я приступил к испытанию в совершенно деловом духе, хотя, конечно, без особых надежд на успех.

– Джим, – сказал я, обращаясь к Ачинклосу, – в прошлый раз мы допустили две ошибки из-за нашей крайней осторожности. Мы слишком постепенно увеличивали давление воздуха и скорость вращения винта. Мы должны помнить, что при подъеме тяжелых тел через такую легкую среду, как воздух, требуется очень быстрое и энергичное действие винта. Я намерен начать и поддерживать давление в 120 фунтов, а вы должны открывать клапаны менее постепенно – управляйте ими, как обычным паровым двигателем – и я буду отвечать за результат. Если после нашей доработки судно откажется подниматься или сломается винт, я клянусь, что взорву этот аппарат через пять минут после этого с помощью пороха, содержащегося в этих сундуках, и никогда больше не вернусь к вопросу воздушной навигации.

Ачинклос просто вынул трубку изо рта, сплюнул, заменил табак и подошел к двигателю. Я занялся генератором, и манометр быстро зарегистрировал 120 фунтов. Я подал знак Ачинклосу включить воздух, и, поскольку кривошип с каждой секундой ускорял свое действие, чудовищные пропеллеры, к которым был прикован мой взгляд, потеряли свою форму, и когда они превратились в неподвижный коричневый диск с пронзительным, жужжащим звуком, я почувствовал, что пол, на котором я стоял, поднимается мимо стен моего дома и через несколько секунд окажется намного выше него. Мое недоумение от этого внезапного осуществления моих надежд и разочарования в ожиданиях быстро сменилось восторгом и радостью, которые невозможно описать. Наконец-то, думал я, решена мучительная проблема века, наконец-то теория стала практикой, наконец-то мысль соединилась с фактом. От этих приятных мыслей меня резко оторвал голос Ачинклоса.

– Берегите заряды, – сказал он, все еще стоя у двигателя. – Я же говорил, что он полетит.

Я посмотрел вниз и увидел, что мне нужно заменить дюжину пустых патронов, что, при четырех секундах на выстрел, показало мне, что я был поглощен собой почти минуту. Я быстро наполнил камеры и, подсчитав обороты кривошипа, которые, как я обнаружил, составляли девяносто в минуту, легко вычислил скорость судна – триста шестьдесят футов в минуту, или шесть футов в секунду. На судне не было заметно никакого движения, кроме легкой вибрации, вызванной работой двигателя. Ничто не могло превзойти легкость, устойчивость и мягкость, с которой мы поднимались по воздуху. Предметы на земле под нами, казалось, не двигались, а уменьшались в размерах. Мой дом был похож на свечной ящик. Перспектива была великолепной. Под нами река Станислаус выглядела как серебряная нить, извивающаяся среди деревьев, пока не скрылась из виду среди холмов к северу от Найтс-Ферри. Широкие участки земли, простирающиеся на юг, восток и запад, были усеяны сотнями зерновых стогов, а кое-где и молотильные машины сверкали коричневым светом под лучами восходящего солнца. Мы поднимались уже почти пять минут и быстро приближались к высоте в две тысячи футов.

– Я собираюсь, – сказал я, – посмотреть, как она ведет себя при снижении. Перекройте немного воздух.

Ачинклос так и сделал, и в течение нескольких мгновений я не смог заметить никаких изменений ни в движении винта, ни в объектах внизу. Однако примерно через минуту я увидел, что объекты под нами становятся больше, а через три минуты я ясно увидел, что мы снова приближаемся к нашему дому, почти не отклонившись при подъеме от перпендикулярной линии.

– Включи снова воздух, Джим, – воскликнул я. – Я хочу посмотреть, как работает наш горизонтальный пропеллер. Установи его на место и отрегулируй храповик на валу.

Пока Ачинклос делал это, я увидел, что мы снова поднимаемся. Однако не успел он отрегулировать храповик и тем самым передать две трети мощности с перпендикулярного на горизонтальный вал через коническую передачу, как я почувствовал сильное и внезапное изменение в поведении судна. Мы находились, вероятно, на высоте около тысячи футов, и как только горизонтальный винт начал вращаться, показалось, что на судно налетел сильный ветер. Ачинклоса, стоявшего на корме, чуть не сдуло вниз, и его могло бы перебросить через борт,

если бы он не зацепился за поручни. Он как можно быстрее добрался до двигателя, который был защищен от сильного ветра рубкой клинообразной формы, отбрасывающей ветер в обе стороны от него. Тем временем поля, деревья и дома проносились под нами с огромной скоростью. Так получилось, что наш курс был в северном направлении, и менее чем через две минуты мы были уже рядом с городом Найтс Ферри, который находился в четырех милях от моего дома, а еще через две – кружились возле вершин холмов, расположенных к северу от города.

– Бросьте храповик, – крикнул я Акинлосу, так как казалось, что мы несемся на полном ходу, с огромным импульсом, к склону горы, и хотя он сделал это мгновенно, импульс, который мы получили, не иссякал в течение нескольких сотен ярдов, и только благодаря тому факту, что подъемная сила судна вернулась, когда был удален движитель вперед, мы избежали катастрофического столкновения с землей. Мы снова поднялись в воздух. Теперь я уменьшил давление в ресивере до шестидесяти фунтов, видя, что в большем нет необходимости. Во время нашего внезапного и стремительного полета мы были настолько заняты непосредственными обязанностями, что совершенно забыли о руле. Теперь я попросил Ачинклосса испытать его и снова привести в действие горизонтальный пропеллер, позаботившись при этом о том, чтобы уменьшить подачу воздуха в двигатель. Под действием горизонтальной тяги мы снова полетели над землей с поразительной скоростью, которая, хотя мы не могли ее точно вычислить, не могла быть меньше, судя по сопротивлению атмосферы или ветра, который нам противостоял, чем сто миль в час. Под моим руководством Ачинклосс держал руль (которым он управлял с помощью обычного рычага) под постоянно увеличивающимся углом, так что мы летели по концентрическим кругам постепенно уменьшающейся спирали, пока наконец круг диаметром около шестидесяти ярдов не был описан примерно за три секунды, я счел, что полетные качества судна достаточно испытаны, и приказал Ачинклосу повернуть его к дому. В это время мы находились, насколько я мог судить, примерно в трех милях к северо-востоку от Найтс-Ферри и, следовательно, примерно в семи милях от моего ранчо на реке Станислаус. Я решил, что это хорошая возможность получить определенное представление о скорости судна, засекая время прохождения этого расстояния. Мы находились, по моим расчетам, на высоте около тысячи футов, давление в приемнике составляло шестьдесят фунтов, и дом был хорошо виден вдали. Потребовалось всего три минуты из шести. Ачинклосс включил горизонтальный пропеллер, и мы вылетели, как стрела из лука. Когда минутная стрелка показала шесть, мы были уже над домом, и я повернул руль, одновременно постепенно закрывая клапан, благодаря чему судно мягко опустилось на землю в моем собственном дворе, Аучинклосс в это время отсоединил гребной винт, а я сделал то же самое с рулем. Мы преодолели это расстояние с почти невыносимой скоростью в сто сорок миль в час, и все наше утреннее путешествие заняло не более пятнадцати минут, в течение которых мы поднялись на две тысячи футов в воздух и преодолели около двадцати миль местности!

– А почему, – спросил Акинлосс, когда мы сидели и курили после нашего приключения, – мы можем подниматься в воздух только со скоростью четыре мили в час, в то время как по горизонтали мы можем перемещаться по нему со скоростью в тридцать раз большей?

– Это, Джеймс, – ответил я, – зависит от очень простого механического закона. Подъем груза в прямом противодействии силе тяжести – это совсем другое дело, чем перемещение того же груза по ровной плоскости. Механик с вашим опытом прекрасно понимает этот факт, хотя он и не бросился вам в глаза в связи с нашим недавним экспериментом. Вы можете с легкостью катить бочку весом в тонну по ровной плоскости, но не сможете поднять ее с этого уровня без мощных механических приспособлений. Локомотив, который мчит поезд вагонов весом в сто тонн по горизонтальному уровню со скоростью шестьдесят миль в час, если бы его двигатели были применены для поднятия того же веса с помощью подходящего рычага, оценивая мощность этих двигателей в двести лошадей, поднял бы его только на две тысячи футов, или

менее чем на полмили, за то же время. Сравните также разницу в скорости при подъеме по лестнице и при катании того же человека на коньках по льду, хотя мышечное усилие в обоих случаях равнозначно. Учитывая поддерживающую силу, способность к движению зависит от плотности среды, через которую движущая сила действует, и от трения, возникающего при ее действии. Теоретически нет причин, по которым локомотив не мог бы двигаться со скоростью двести миль в час. Практически, он будет сходить с рельс, а высокая скорость поршня повредит механизмы. В случае с нашим воздушным кораблем нет рельсов, скорость нашего двигателя не превышает мощности обычного стационарного двигателя того же размера, и едва ли дает на одну треть больше оборотов двигателя локомотива; у нас было достаточно доказательств того, что наши винты построены и закреплены так, чтобы исключить вероятность любой аварии. Скорость, с которой мы можем двигаться, объясняется текучестью среды, через которую мы движемся, и почти полным отсутствием трения, в сочетании с мощностью нашего винта.

– Увеличивая мощность, я уверен, что скорость в сто сорок миль в час, которую мы вчера развили при низком давлении, может быть увеличена до двухсот или более без ущерба для механизмов. Чем больше скорость, с которой мы движемся, тем меньше мощность, которая нам требуется. При очень высоких скоростях для поддержания скорости достаточно одного лишь горизонтального винта и днища судна, и мы можем либо увеличивать движущую силу, либо уменьшать давление по своему усмотрению. Орел, если он приобрел достаточный импульс, пролетит милю на расправленных крыльях, не двигая ими, кроме как для равновесия. Конькобежец на большой скорости безопасно проедет по льду, который сломался бы под одной десятой его веса, будь он неподвижен. Атмосферное сопротивление, эквивалентное бризу в двести миль на скорость, конечно, было бы неудобным без укрытия, но наша клиновидная каюта разрезает его, и в ее укрытии мы будем так же недвижимы, как и здесь. И нечему повреждаться, поскольку примыкание горизонтального винта к корпусу судна делает его неотъемлемой частью аппарата, и лопасти, конечности которых бьют воздух в своем вращении почти с одинаковой скоростью без повреждений, могут и должны, если в стали и железе есть хоть капля добродетели, выдерживать такие же нагрузки, когда они приходят извне. Наш вертикальный ведущий вал из четырехдюймовой стали, закрепленный подшипником на половине высоты от палубы, не сломается и не уйдет за борт, как деревянная мачта корабля во время тайфуна. Кроме того, если что-то случится с механизмами, у нас есть спасательная шлюпка на шлюпбалках – наш парашют самой лучшей конструкции, который благополучно высадит нас на сушу после того, как наш корабль превратится в бесформенную массу. Поэтому, Джим, я хочу знать, совершишь ли ты со мной более длительное путешествие. Мои амбиции растут вместе с моим успехом, и если ты будешь сопровождать меня, я предлагаю отправиться туда, где смертный человек еще никогда не бывал. Нет другого человека, с которым я мог бы отправиться, кроме тебя, ведь вместе мы затянули каждый болт в этом корабле, и ты один, кроме меня, знаешь работу механизмов. Я предупреждаю тебя, что путешествие будет трудным и опасным с какой стороны не посмотри, но его достижения будут греметь по всему обитаемому миру. Пойдете ли вы?

Ответ Ачинклосса был характерен для этого человека. Он пристально посмотрел на меня, вынул трубку изо рта, выпустил облако дыма, сплюнул, выразительно произнес простые слова:

– Хоть к черту, если захотите, – вернул трубку на место и снова погрузился в молчание.
20 сентября, 5 часов вечера.

Сейчас пять часов пополудни, а я весь день писал вышеизложенное. Сейчас я еду в Найтс-Ферри в легкой повозке, чтобы купить кое-что необходимое для завтрашней поездки – ведь мы собираемся отправиться в путь завтра на рассвете. Вышеизложенное сообщение подтвердит то, что мы уже сделали – по крайней мере, это будет сохранено для мира. Предприятие, в которое мы собираемся вступить, еще более важное и опасное. Если оно завершится успешно, мистер Эйткен из литейного завода "Циклоп" вскоре получит дальнейшие сообщения, если же

таких сообщений не будет, есть вероятность, что автор находится вне пределов досягаемости любой человеческой связи.

1879 год

ПОЛЕТ НА ПОЛЮС

как Филип Холл достиг края земной оси

Прошло всего четыре дня с тех пор, как я получил от мистера Эйткена рукопись, содержащую удивительные откровения Филипа Холла, и я все еще размышлял о странных открытиях, которые он сделал, и гадал, будет ли получено еще одно сообщение на тему путешествия, которое он намеревался предпринять, когда в мою дверь постучали, и вошел парень в черной рубашке и синем комбинезоне, руки и лицо которого свидетельствовали о его близких отношениях с литейным бизнесом, и вручил мне пакет от мистера Эйткена. Очевидно, подумал я, Холл преуспел в своем предприятии и прислал отчет о нем, как и обещал, и, отпустив парня, я принялся изучать содержимое пакета. Сначала было письмо от Эйткена и письмо от Холла, вложенное в тот же конверт. Письмо Эйткена гласило следующее:

"Литейный завод Циклоп, 24 сентября 1879 года.

Дорогой сэръ:

В приложении к письму я передаю вам очередное сообщение, только что полученное от мистера Филипа Холла, о котором прошу позаботиться, как и о предыдущем.

Искренне ваш, Эндрю Эйткен".

Далее я прочитал письмо Холла:

"Найтс Ферри, 23 сентября 1879 года.

Мистеру Эндрю Эйткен, Железный завод Циклоп:

Дорогой сэръ:

Во исполнение договоренности, я посылаю Вам рукопись с описанием путешествия, которое я только что успешно совершил, и прошу опубликовать ее в том же журнале, что и мое предыдущее сообщение, чтобы не нарушить связь между ними. Я намерен вскоре прибыть в Сан-Франциско на своем воздушном корабле для демонстрации его работы, когда я, вероятно, дам вам дальнейшие заказы на машины, в более широком масштабе. Пожалуйста, отправьте в Окдейл два подшипника, того же диаметра и образца, что вы поставили в прошлый раз, а также тяжелый гаечный ключ, и всего вам доброго.

Искренне Ваш, Филипп Холл."

Затем я развернул и прочитал:

СООБЩЕНИЕ.

В конце моего последнего рассказа я упомянул, что предложил Ачинклосу сопровождать меня на моем воздушном корабле в путешествии, которое будет сопряжено со значительной степенью риска, и что, когда он выразил готовность сделать это, я отправился в Найтс-Ферри в моей легкой повозке, чтобы купить некоторые вещи, которые были необходимы, поскольку мы предполагали отправиться рано утром следующего дня. Около восьми часов я вернулся, и у дверей меня встретил Ачинклос, который вышел, чтобы помочь мне с грузом. Выгрузив хлеб, сухари и различные виды консервированных деликатесов, а также немного вина и спиртного, я разложил шесть бизоньих плащей и столько же теплых одеял.

– Вот это да, босс! – воскликнул Ачинклос, – Будем этим пользоваться во время путешествия? Тут достаточно одеял даже для Северного полюса.

– Рад, что вы так думаете, – ответил я. – как раз туда мы и собираемся.

– Черт возьми, – ответил он, выдувая из своей трубки облако необычайных размеров. – полетим куда скажешь.

– Эти плащи и одеяла – лучшее, что я мог достать, Джим. Я довольно хорошо обчистил магазин в Ферри, – сказал я, когда мы вошли в дом и сели.

– Для тела они достаточно хороши, – ответил Ачинглосс, – но как насчет ног? Если мы попробуем жить в тех широтах без надлежащей обуви, то очень скоро у нас не останется ни ног, чтобы стоять, ни рук, чтобы работать с механизмами.

– Нам не придется много ходить, – ответил я. – Мы можем сделать грубые мокасины из плащей, подбитых одеялами, которые, я думаю, хорошо послужат нам, но я предлагаю остановиться в одном из поселений Компании Гудзонова залива или в какой-нибудь деревне эскимосов, если нам повезет найти такую, чтобы купить более подходящую одежду. Мы не смогли бы получить ничего лучше этих даже в Сан-Франциско, если только делать специально на заказ. Основной причиной, по которой я взял с собой такой запас спиртных напитков – это бартер. Деньги в тех пустынных краях почти ничего не стоят, а поскольку природа в северных широтах жаждет алкоголя, я решил, что спирт даст нам то, что мы хотим, быстрее, чем что-либо другое. Я также не хотел откладывать путешествие на более поздний срок, так как завтра наступит равноденствие, и наступит шестимесячная полярная ночь. Однако, вылетев вовремя, мы сможем, если не произойдет что-либо исключительное, совершить путешествие к полюсу и обратно под постоянным солнечным светом, что во многих отношениях будет нам на руку. Я остановлюсь там лишь настолько, чтобы приблизительно определить путем наблюдений истинное положение крайней точки земной оси, где прекращается суточное вращение, и отметить это место каким-нибудь знаком, видимым будущими исследователями. Это будет тонкое дело, поскольку компас и хронометр будут бесполезны – первый из-за возмущающего влияния магнитного полюса в этих высоких широтах, второй, потому что долгота в окрестностях полюса равна нулю и несущественна для моей цели. Полярная звезда, будь она видимой, была бы ошибочной предпосылкой для выводов, поскольку она составляет угол $1^{\circ}25'$ с осевой линией нашей планеты. Поэтому я должен полагаться лишь на два солнечных наблюдения – одно из них проводится для определения, в качестве предварительного шага, моего широтного расстояния от полюса, другое – для определения истинного времени полудня или полуночи, чтобы зафиксировать направление меридианной линии, проходящей через полюс. Найдя таким образом, во-первых, расстояние от полюса, а во-вторых, направление, в котором он находится, мы должны полагаться в остальном на мертвый отчет. Если бы у нас было время, мы могли бы точно определить его положение по обычным правилам геодезии. Как бы то ни было, скорость нашего судна должна быть мерой расстояния, и чем точнее мы оценим этот элемент в нашем расчете, тем ближе мы приблизимся к истинному результату. Я, однако, не опасаясь допустить ошибку более чем в одну милю, или около минуты градуса.

Ачинглосс выслушал предыдущие замечания с серьезностью, но без особого интереса.

– Ладно, босс, – сказал он, вынимая трубку, чтобы сплюнуть, – я не сомневаюсь, что вы сможете это сделать, хотя для меня это все – словно говорить по-гречески. Человек, который может построить воздушный корабль и отправиться на нем на Северный полюс, может быть уверен, что найдет его, когда прибудет туда. Я не так много знаю об астрономии или геодезии, но когда вы говорите о технике, я в теме. Есть несколько небольших вопросов, которые я хотел бы задать вам, прежде чем доверить свою тушку этому путешествию. Я не боюсь изменения металла от сжатия на холоде, потому что когда я монтирую что-либо, я всегда оставляю запас на расширение или сжатие, но как насчет ваших зарядов? Вы уверены, что у вас их достаточно? Было бы грустно остаться без топлива на Северном полюсе и умереть от голода, как Франклин или эскимосы. Ответьте мне на этот вопрос, а остальное я возьму на себя.

– Наше утреннее испытание показало, что после того, как мы достигли достаточной высоты, наше прямое движение по воздуху осуществляется со сравнительно небольшими затратами энергии. Давление в 60 фунтов, при 200 оборотах горизонтального винта в минуту, будет поддерживать скорость около 140 миль в час, при расходе десяти зарядов в минуту. Я уверен, что смогу увеличить скорость до 200 миль в час при расходе 12 зарядов в минуту, что составит 720 штук в час. Мы загрузили, как вы знаете, 30 000 зарядов с пушечным порохом,

а сегодня утром не использовали и 300. Таким образом, у нас осталось достаточно снарядов, чтобы продолжать движение в течение 41 часа, что при нашей расчетной скорости 200 миль в час покрывает суммарное расстояние в 8300 миль. Это расстояние, как я вам покажу, доставит нас к полюсу и обратно, причем с большим запасом. Мы находимся на $37^{\circ} 50'$ северной широты – следовательно, в $52^{\circ} 10'$ долготы от Северного полюса. Считая, грубо говоря, 69 статутных миль на градус, мы имеем суммарное расстояние более 3 650 миль, чтобы добраться туда, или общее расстояние 7 300 миль, чтобы пролететь туда и обратно. Это оставляет запас в 1000 миль, или пять часов, на случай аварии. Если мы не сможем набрать расчетную скорость или, набирая ее, израсходуем больше расчетного количества топлива за первые три часа пути, я обещаю вам повернуть назад и отложить поездку до тех пор, пока мы не будем обеспечены всем необходимым.

– Я все понял, – сказал Акинлосс. – Когда мы стартуем?

– Завтра утром, на рассвете – в половине четвертого.

– Тогда давайте ляжем спать.

День разгорался над холмами и равнинами округа Станислаус, когда после торопливого завтрака мы укладывали в судно вещи, которые я купил накануне вечером. Мы также перенесли нашу печку и надежно закрепили ее на полу каюты, навалив при этом почти целую вязанку дров для топлива. Два десятигаллонных бочонка с водой дополнили наш запас. Я установил небольшой, но прекрасно оборудованный компас со всеми современными приспособлениями в носовой части каюты, где он был наиболее удален от влияния железа, а рядом с ним – очень хороший хронометр. Последний показывал без пятнадцати минут двенадцать, когда Ачинклосс, стоявший у двигателя, включил воздух, и под огромной тягой горизонтального пропеллера наше судно с шумом поднялось вертикально в воздух. Что сейчас, что до этого мы успешно избежали чужих глаз. Молотьба зерна на равнинах под нами была в основном завершена, и в этот час утра все люди были на завтраке. Только два паровозных свистка, поданных кочегарами, разжигаящими огонь, возвестили о том, что некоторые стога поблизости еще не обмолочены. Без пяти минут пять барометр, висевший на стене каюты, показывал высоту в две тысячи футов. Самым заметным объектом под нами была река Станислаус, то терявшаяся между обрывистыми скалами, то ярко сверкавшая, когда она извивалась по открытой местности к югу. Другие объекты еще не начали принимать четкие очертания, хотя восточный горизонт был окаймлен все расширяющейся желтой полосой. Я велел Ачинклоссу опустить руль и кормовой винт, и, когда он отрегулировал храповик, передающий мощность на последний, в состоянии судна произошли те же изменения, которые я описывал ранее. Под действием нового импульса мы понеслись по воздуху с такой скоростью и таким образом, что, если бы не видимое движение предметов на земле внизу, можно было бы поверить, что мы сами неподвижны, но внезапно попали под удар мощного урагана. В мои обязанности входило присматривать за конденсационным цилиндром, в то время как Акинлосс занимался двигателем, рулем и движителями. Клиновидная форма судна и каюты не позволяла нам испытывать ни малейшего неудобства от сопротивления атмосферы, так как все части, кроме той, что ближе к корме, были защищены от ее воздействия. Движущаяся под нами панорама стала казаться чрезвычайно красивой.

Я намеревался держаться примерно в районе, лежащем между 120-м и 122-м меридианами долготы, отклоняясь от курса строго на север, когда это было необходимо, чтобы избежать гор. Поэтому мы прошли в северо-западном направлении через Фармингтон и Линден, пересекли реку Калаверас в 5:04, Мокелумне в 5:10, Косумнес в 5:14 и в 5:20 были примерно в пяти милях к востоку от Сакраменто. Эти точки я хорошо знал и, ориентируясь по хронометру, точно определял время прохождения. Держась выше Антилопы, Линкольна и Уитленда, мы достигли Мэрисвилла и бассейна реки Фезер в 5:33. Оровилль был достигнут в 5:40, Чико – в 5:47, а восход солнца, который должен был залить нас, когда мы поднимались по долине

реки Сакраменто, был на время заслонен холмами и отвесными скалами Техамы. К 6 часам утра мы миновали Ред-Блаффс и Коттонвуд и оказались поблизости от Черных гор Лассена, а далеко на севере, в семидесяти милях от нас через графство Шаства и графство Сискию, белый пик, давший название вышеупомянутому району, пронзил безоблачное небо. Все еще держась главного водораздела Сакраменто, в 6:20 мы обогнули западное основание горы Шаства, которая возвышалась над нами на двенадцать тысяч футов. Через десять минут справа от нас показались озера Кламат, и я сказал Ачинклоссу, что мы только что пересекли линию Орегона, пройдя за полтора часа более четырех градусов широты, или триста миль. Судно оправдывало ожидания, давление в ресивере составляло всего 60 фунтов, а разряды пороха в конденсаторе не превышали двенадцати в минуту. Аучинклосс продолжал невозмутимо курить и методично возился со своей масленкой.

Мы то и дело отклонялись к северо-востоку, чтобы избежать Каскадного хребта; пройдя над озерами и индейской резервацией Кламат, через полчаса мы достигли верховьев реки Дешутс и в течение следующего часа следовали по ее течению, поочередно оставляя на западе Даймонд-Пик, гору Джефферсон и гору Худ с интервалами примерно в четверть часа. В 7:45 мы увидели реку Колумбия и пересекли территорию Вашингтона в Даллесе. Продолжая двигаться на восток в долину реки Якима, в течение следующего получаса мы успешно оставили позади горы Адамс, Райнер и Айкс. Здесь горы стали более изломанными, и нам пришлось подняться на высоту почти шесть тысяч футов, чтобы обойти их хребты. В 8:30 мы пересекли 49-ю параллель и вступили на британскую территорию. Следующие три часа прошли на большой высоте, так как мы постоянно приближались к Скалистым горам. Мы пересекли их между 9:50 и 10:15, на высоте восьми тысяч футов по барометру, и попали в регион, где было намного холоднее, чем по ту сторону хребта. Я разжег печку, так как стало очень холодно, ведь солнце было на небе не выше, чем два часа назад, хотя оно, конечно, переместилось дальше на юг. Я также разложил на столе свои карты и в 12 часов пополудни произвел наблюдения с помощью секстанта, определив широту $61^{\circ}40'$ северной широты, а реку, протекавшую под нами, – как реку Маккензи, долгота которой $121^{\circ}20'$ западной долготы. С момента отбытия из Калифорнии девиация компаса увеличилась и составляла всего $14^{\circ}30'$ восточной долготы, что, как я полагал, объясняется изменением его положения относительно магнитных центров планеты, но, обратившись к своим таблицам магнитных отклонений, я смог определить приблизительный северный курс и решил теперь, поскольку больше не было горных хребтов, которые нужно было пересечь, держаться как можно ближе к 121-му меридиану. В 13:20 по хронометру мы увидели огромный водоем, который, как я понял из моих карт, должен был быть Большим Медвежьим озером. Наш курс лежал прямо через это внутреннее море длиной около двухсот миль, которое мы пересекли за час. К тому времени, когда мы достигли его дальнего берега, уже не нужно было смотреть на карту, чтобы понять, что мы вошли в полярный круг. Пронизывающий ветер с востока и солнце, которое, хотя и огибало горизонт, казалось, никогда не приближалось к нему, были достаточны, чтобы ознакомить нас с этим фактом. Воздух в каюте, за исключением того, что находилось в непосредственной близости от печки, был острым и горьким до крайности. Труд Аучинклосса, за исключением смазки механизмов, было признано синекурой, так как все работало на высшем уровне, так что он вернулся в каюту и занялся приготовлением еды на ужин, перед этим он превратил две буйволиные одежды и одеяла в очень грубые гамаши с помощью шила и нескольких кожаных шнурков. В 3:15, когда мы наскоро перекусили, запивая еду горячим грогом, один из нас ел, а другой занимался зарядкой конденсатора, я увидел непрерывную линию воды, к которой мы быстро приближались, и через несколько минут уже летели над Северным Ледовитым океаном. В 3:45 мы снова увидели землю, которая, как показала карта, должна была быть островом Ньюфаундленд. Через час полета мы снова оказались в открытом море, которое, как показала экспертиза, оказалось проливом Бэнкса. В 5 часов вечера мы снова достигли береговой линии, которая, как я предпо-

жил, была островом Принца Патрика, и, соответственно, мы знали, что достигли 77-й параллели широты и находились менее чем в девятистах милях от полюса, преодолев расстояние в 2800 миль за чуть более чем двенадцать часов!

Поскольку в мои планы не входило приближаться к полюсу до полуночи, когда я смогу провести наблюдение, чтобы определить его истинное местоположение, я решил, по возможности, добраться до деревни эскимосов, где мы могли бы получить все, что бы продолжить наше путешествие, так как никто из нас теперь не мог находиться возле механизмов более минуты или двух за раз, или без ускорения циркуляции крови с помощью обильных порций спиртных напитков. Последние, казалось, полностью присваивались конечностями и внешними частями тела, не доставляясь к мозгу. Поэтому мы решили, что стимуляторы, хотя и считаются пагубными для обитателей ледяных регионов, все же, учитывая короткое время нашего путешествия, являются лучшим средством для достижения цели, которую мы хотели достичь, а именно – сохранения тепла организма. Теперь мы снизили скорость и поднялись выше, чтобы я мог рассмотреть в бинокль местность подо мной и, по возможности, увидеть деревню эскимосов. Мне удалось охватить круг радиусом около десяти миль, и, пройдя около двадцати миль территории, я увидел на горизонте то, что, по моему мнению, нам было нужно. Снова включив толкательный пропеллер, мы прилетели через несколько минут к нужному месту, которое оказалось поселением из примерно тридцати хижин, и мы спустились возле них на расстоянии нескольких ярдов. Когда мы приблизились на расстояние пятисот-шестисот футов, мы, очевидно, привлекли их внимание. Из каждой хижины высыпало по два-три человека разного возраста и роста. Несколько мгновений они неподвижно смотрели на нас с изумлением, затем внезапно разбежались – одни побежали к своим саням и собакам, которых они запрягали с невероятной скоростью, другие укрылись в своих хижинах, но ни один не остался, чтобы посмотреть на странных гостей. Мы спускались очень медленно и в конце концов спокойно коснулись земли. Затем мы вышли и стали прохаживаться, чтобы показать, что мы люди, а Ачинкосс, который принес бутылку бренди и стакан, протянул их и поманил одного из жителей деревни, который выглядел из двери своей хижины. Этот индивид, должно быть, в свое время уже познакомился с достоинствами иноземцев и черных бутылок, потому что под воздействием постоянных знаков Ачинклосса он, наконец, подошел и принял стакан напитка, который проглотил с явным удовольствием. Это подействовало как волшебство. Каким-то нечленораздельным бормотанием он позвал своих сородичей, которые появились так же быстро, как и исчезли, и пока Ачинкосс допивал остатки из бутылки, я пошел к сосуду и вернулся с демиджоном¹². По стакану налили каждому жителю поселения, мужчинам и женщинам, за исключением тех, кто был совсем маленького возраста, и во время веселья и вольнодумства, которые последовали за этим, я указал на грубые меховые одежды, которые они носили, и дал им понять знаками, что за два меховых костюма я дам демиджонн спиртного и дюжину пачек табака. Костюмы были принесены из хижин несколькими женщинами (хотя по одежде трудно было различить пол), желаемый обмен был произведен, и мы снова поднялись в воздух под восхищенными взглядами эскимосов через десять минут после приземления среди них, продемонстрировав мощное воздействие спиртного на человеческое поведение, чтобы открыть сердце и рассеять страх, и оставив им средства для повторения эксперимента в соответствии с их желаниями, которые также были материальными признаками того, что все это не было видением.

Наш перелет через ту часть континента Северной Америки, которая лежит между Калифорнией и Северным Ледовитым океаном, был настолько быстрым, а мои обязанности заключались в постоянном обслуживании механизмов нашего судна, что у меня было мало времени, чтобы обратить внимание на другие моменты, кроме нашей быстрой смены региона субтропи-

¹² большая оплетенная бутылка

ческой растительности на регион, где даже лишайник растет с трудом, через последовательные градации умеренной зоны. Поэтому я должен взять на себя смелость отослать читателей, интересующихся такими вопросами, как доминирующая растительность или физический контур, к тем исследователям, которые тут прошли до меня, и у которых было больше возможностей для наблюдения, чем у того, кто пронесся над лицом планеты на высоте от двух до десяти тысяч футов со средней скоростью двести миль в час.

Оставив наших дружелюбных эскимосов на острове Принца Патрика заниматься своими делами или развлечениями, мы вскоре вышли в неизвестное море. Обращение к карте показало мне, что исследователи, хотя и проникают дальше на север по более восточным меридианам, нигде не оставляют географию Земли "terra incognita". Сейчас мы, по сути, натолкнулись на ту изотермическую линию, которая проходит через два полюса сильнейшего холода и зигзагообразной кривой пересекает самые северные районы Америки и Сибири. Мы держали печку (новую, с основательным принципом отопления) почти раскаленной докрасна, мы держали чайник постоянно кипящим, хвалили себя с приобретением меховой одежды, зажигали наши "Партагасы" и по очереди по пять минут занимались зарядкой конденсатора и смазкой механизмов. Теперь мы пересекали океанскую гладь, по большей части заваленную льдом в виде беспорядочных, неровных масс, но то тут, то там встречались проливы открытой воды шириной от нескольких сотен ярдов до (насколько я мог судить по времени, затраченному на их прохождение) ста миль. Картина была белой, унылой, мрачной, однообразной и отвратительной; никакой растительности, а животный мир, лишь редкие медведи или моржи, выглядел под нами как простые точки. Показания компаса теперь стали крайне ненадежными, поскольку у меня не было данных, на которых можно было бы основывать его вероятные отклонения. Поэтому я был вынужден ориентироваться по эмпирическому углу, вычисленному по видимому западному движению солнца и моей предполагаемой широте, рассчитывая скорость и время. В шесть часов вечера, когда мы покинули деревню эскимосов, я считал, что наше расстояние до полюса составляет 900 миль, и, соответственно, несколько сбавил скорость, поскольку не хотел приближаться к нему до полуночи. Пять часов мы бороздили замерзшие глубины, и теперь, в одиннадцать часов вечера, я решил спуститься и провести пробное наблюдение, чтобы определить нашу широту. Переключили передачу, и мы спустились на несколько возвышенное ледяное плато. Я приступил к расчетам со всей оперативностью. Виден был только верхний лимб солнца, хотя горизонт был достаточно четко очерчен для всех практических целей. После поправок на полудиамер, падение, параллакс и рефракцию я вычислил высоту солнца и по ней косвенным методом, который иногда используют навигаторы, определил нашу долготу – $93^{\circ}32'$ западной долготы, что доказывало, что мы отклонились на восток от курса строго на север. Установив таким образом меридиан и местное время, я приступил к измерению широты, которая, как я выяснил, составляет $89^{\circ}42'$, значит всего лишь $18'$, или чуть более 20 миль от полюса. Теперь мне оставалось только преодолеть это расстояние по точному расчету, зависящему от скорости нашего судна, но я решил сначала сделать полуночное солнечное наблюдение, чтобы проверить мое первое наблюдение – это исправит возможные ошибки; и, поскольку до полуночи оставалось еще полчаса, мы пообедали и отдохнули у печки. За пять минут до полуночи я навел секстант на Солнце и обнаружил, что моя отметка на верньере совпадает с предыдущим расчетом в пределах $4'$, что составляет расстояние от полюса $22'$, или 25 миль. Получив также абсолютный меридиан, незначительно отличающийся от моего первого расчета, я дал понять своему спутнику, что мы не должны терять времени. Ачинклосс подскочил к клапанам, и вскоре мы снова поднялись над ледяными полями и направились прямо на восточный лимб низкого красного солнца. Я дал семь минут с половиной на преодоление 25 миль на полной скорости и два градуса правого возвышения на перемещение солнца за это время, и, принимая во внимание этот последний элемент в навигации, поскольку хронометр показывал время, я дал знак Ачинклосу переключить передачу, когда мы медленно

опустились на пустынную сцену. Со всех сторон до самого горизонта простирался пустой пейзаж бесплодного запустения, и странные багровые лучи тусклого солнца проливали жуткий свет на это замерзшее море. Ни земля, ни почва, ни растительность, ни животный мир, ни тихая или текущая вода не смягчали смертоносный характер картины. Казалось, что мертвая инерция планеты в этот момент перенеслась на все вокруг. Воцарилась неподвижность смерти, и меня охватил глубокий ужас, когда я стоял на этом таинственном месте, по которому до сих пор не ступала нога человека – по крайней мере, в период нашей известной истории. Рядом со мной стоял Ачинкосс, выглядевший в своем эскимосском костюме совсем иначе, чем инженер в синем комбинезоне и джемпере, покинувший ранчо на реке Станислаус девятнадцать часов назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.